

МЕМОРИАЛ

Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах...

Людмила Улицкая

человек В ИСТОРИИ

- из семейного архива
- все пережить
- на фронте и в тылу
- разные судьбы
- из СССР в Россию

Человек в истории

Людмила Улицкая
Человек в истории

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

Улицкая Л. Е.

Человек в истории / Л. Е. Улицкая — «АСТ»,
2018 — (Человек в истории)

ISBN 978-5-17-094553-5

«В этом сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую можно восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» – приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка – отдельный человек со своей уникальной историей – несет на себе отпечаток времени. Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой – восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-094553-5

© Улицкая Л. Е., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Людмила Улицкая	7
Из семейного архива	9
Никита Соколов	9
«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»	10
«На острых кончиках штыков	20
«Что захочется, то и напишу...»	28
«Не торопитесь сжигать»	37
Все пережить	53
Александр Даниэль	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Людмила Улицкая и др Человек в истории

© Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество Мемориал», текст

© Людмила Улицкая, предисловие

© Ирина Щербакова, составление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Людмила Улицкая Связь времен восстанавливается

В одном из последних своих сочинений, «Путешествие в Арзерум», написанном за год до смерти, Пушкин сетует, что погибший Грибоедов не оставил своих записок: «Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Прошло уже полтора века с тех пор, как написаны эти слова, а замечательные, выдающиеся люди и совсем скромные и незаметные исчезают, не оставляя по себе следов. Для того, чтобы эта печальная отечественная традиция прервалась, уже восемнадцать лет общество «Мемориал» проводит конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». Ценность жизни каждого отдельно взятого человека – вот акцент этого конкурса.

Уже восемнадцать лет, как новое, можно сказать, новейшее поколение, не ленивое и вполне любопытное, а точнее сказать, испытывающее большой интерес к истории своей страны, к своим предкам, к тем людям, которые создали историю, иногда вовсе об этом и не задумываясь, исследует то прошлое, которое находится рядом – в собственной семье, в родной деревне, в маленьком поселке, где привелось родиться. Работы школьников приходили из 75 регионов нашей страны – из Красноярска и Новочеркаска, из Пензы и Воронежа, из Краснодара и Астрахани, из сотен российских деревень и поселков. За эти годы школьниками было написано более 40 000 сочинений по истории страны.

Каждый такой конкурс, кроме того, что дает ценный материал историкам, имеет и еще одну удивительную черту – он оказывается школой воспитания полноценных граждан, способных к самостоятельному суждению, к различению добра и зла, что и является основой всякого педагогического процесса. Далеко не все молодые люди, участвующие в нашем конкурсе, стали и станут профессиональными историками. Но про каждого из тех, кто прошел опыт такого исторического исследования, можно с уверенностью сказать: он стал настоящим гражданином России. Та прививка, которую они получили в раннем возрасте, прикоснувшись к живой истории, превратила их в людей, способных самостоятельно и творчески мыслить.

Будущее страны вырастает из его прошлого, как дерево вырастает из почвы. Прошлое нашей страны было трудным, требуется решимость и мужество, сочувствие и соучастие, чтобы понять разнообразные, порой тяжелые процессы, которые пережила страна. Наше будущее зависит от того, насколько усвоены уроки прошлого, поняты его ошибки, осмыслены пути к достижению всеобщей цели – мирного и осмысленного существования человечества.

История

XX века в нашей стране – это история забвения, искажения, вычеркивания. Однако кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую тоже можно забыть, но можно и восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» – приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка – отдельный человек со своей уникальной историей – несет на себе отпечаток времени.

Двадцатый раз мы издаем сборник лучших работ конкурса. Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее молодыми гражданами, и история эта не парадная, а повседнев-

ная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой – восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора.

В нашем сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Но она рассказывает о тех, кто обычно остается вне поля зрения официальной истории. Это рассказы о «маленьком человеке». Был такой термин в русской литературе. В реальности этот «маленький человек» и есть подлинный герой истории.

Извечная тема «отцов и детей», постоянно воспроизводящееся непонимание и вражда поколений, приобретают совершенно новое звучание: сегодняшние молодые люди, исследуя документы и письма прошлого века, начинают осознавать, какие жестокие испытания выпали на долю их предков, – и поколенческое отчуждение сменяется глубоким уважением и восхищением. Связь времен восстанавливается, и в этом глубокий смысл замечательного проекта «Человек в истории. Россия – XX век».

Пока шла эта работа длиною в восемнадцать лет, создалась некая общность людей, неформальная, но объединенная общей идеей сохранения памяти. В эту прекрасную группу, не имеющую четких границ, входят не только школьники – авторы исторических работ, сюда входят почти сорок тысяч их научных руководителей, учителей и наставников, множество людей, дававших интервью и помогавших в сборе документов и разного рода материалов, архивных и домашних, входят в эту группу и сочувствующие, друзья и родители, а также и те, кто читал эти сочинения с намерением выделить лучшие, наградить достойнейших. И этим членам жюри приходилось тоже нелегко: хороших работ было гораздо больше, чем мест в наградных списках. Сегодня, когда мы представляем этот сборник, мы, люди, работавшие над этим проектом, хотим поделиться с вами, читателями, драгоценными воспоминаниями ушедших людей и не менее драгоценными усилиями молодых, эти воспоминания сохранивших. Будущее нашей страны в руках этих талантливых, деятельных и нравственных молодых людей.

Из семейного архива

Никита Соколов

Историков с недавнего времени стало модно попрекать тем, что они «переписывают историю». Упрек нелепый. Переписывать историю их прямая обязанность. Просто потому, что исследование прошлого – сложно устроенный диалог. У каждого нового поколения возникают к нему новые вопросы, которые не приходили в голову людям прежних формаций или же они не осмеливались их задавать.

Необходимость такого диалогического обновления знания особенно настоятельна в отношении трагической российской истории XX века. И вдвойне замечательны в нашем случае обе стороны этого диалога. Вопросы задают любознательные молодые люди, глядящие на документ взглядом наивным и ясным, не замутненным никакими посторонними соображениями. Ответы обретаются в подручном домашнем материале, часто совершенно случайном.

Казалось бы, ценность таких сугубо частных историй невелика. Но это не так. Советская эпоха породила горы пылящихся в архивах официальных реляций и мириады глазурированных начальственных мемуаров, сквозь которые, по видимости, нет никакой возможности пробиться к подлинному человеческому бытию. И вот тут-то драгоценным ключом к настоящему прошлому оказывается «связка пожелтевших писем», обнаруженная «в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями», случайно занесенного в село Харбатово Качугского района в трех сотнях верст севернее Иркутска, или тетрадка воспоминаний полуграмотного рядового телефониста Капитона Мельникова, чудом сохранившаяся в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров под Ростовом.

Частный документ, локальный сюжет, как лучик карманного фонарика, выхватывает из небытия малую частицу прошлой жизни. Много неожиданного оказывается в этом фрагменте, слишком плохо он сопрягается со стандартным образом прошлого, который несет школьный учебник и маскульт. Вот письма из Иркутска начала XX века, по преимуществу бытовые детали повседневности, но только оказывается, что пишет их дочь строптивного священника, лишившегося прихода за вольнодумство, сестре, проходящей обучение в Швейцарии, Франции и Англии. А завершается это бытописание картиной февральской революции, когда «из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы», «в человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, ум и совесть». Вот всеословная армия того же времени с ее специфическими полукрестьянскими обычаями и моралью, но только упражняет она эту мораль во время напрочь забытой широкой публикой российской интервенции в Персию в 1913 году, и оказывается, что уже тогда «курды держались упорно».

Впрочем, преимущественно задевают внимание молодого наблюдателя не подробности материального быта, а высвечивающаяся через них антропология человека, жившего в другую эпоху, почти совершенно ни в чем не сходного с нынешним. И понимание этой инаковости – полезнейшая тренировка чувства историзма, ныне сознательно искореняемого под ложным, но удобным политическим прохиндеем лозунгом «Всегда все были одинаковые подлецы». Именно развитие историзма на протяжении последних трех столетий воспитывало в людях европейской культуры способность к постижению «другого», сначала человека прошлых времен, а потом и иных современников. Читатель этого раздела найдет в нем для такого упражнения чрезвычайно полезный материал.

«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий» (Опыт исторической реконструкции на основе писем иркутянки Л. Е. Литвинцевой)

Ирина Грибович

Елена Жукова

Анастасия Магзоева

пгт Качуг, Иркутская область

Долгие десятилетия эта связка пожелтевших писем лежала в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями и обувью. Даже хозяйки сундука – две сестры-старушки, доживающие свой век в квартире на втором этаже двухэтажного особняка в центре Иркутска, – были младше этих писем. Им часто помогали молодые соседки Светлана и Надежда, которые снимали комнатку рядом. Когда одна из сестер умерла, другая передала девушкам сундук со словами: «Это нам досталось от родственников. Сохраните, ведь больше у нас никого нет...» Это было в начале 90-х. Фамилии старушек не сохранились ни в памяти девушек, ни в документах паспортного стола. Светлана Татарникова и Надежда Молчанова в 1993 году закончили институт, вышли замуж, разъехались. Сундук пришлось оставить, а письма они решили передать своей учительнице литературы, Ларисе Владимировне Чемякиной, живущей на родине девушек – в селе Харбатово Качугского района, 300 км севернее Иркутска. До 2009 года письма хранились у нее.

И вот мы, четыре восьмиклассницы (члены школьного научного общества) и наша учительница, сидим в кабинете литературы друг против друга, между нами – пожелтевшие от времени листы, исписанные черными чернилами. «Девочки, я предлагаю вам прочитать вот эти письма, – говорит наша учительница. – Скорее всего, это будет сложно: почерк не очень разборчивый, орфография и графика дореволюционные. Никем они до сих пор не прочитаны и не изучены. Кто кому писал – неизвестно. Ясно только, что автор – какая-то девушка или женщина, жившая в Иркутске в начале XX века, – писала за границу “Гуте”, видимо, подруге. Работа для вашего возраста довольно трудная. Возьметесь?» Понятно, что мы были страшно заинтригованы и, конечно, за работу взялись. От письма к письму перед нами разворачивалась история Иркутска начала XX века и иркутской семьи.

Кто же автор?

Сначала помогли сами письма. На открытках был указан адресат: Miss Augusta Litvinseff. Мы поняли, что переписывались сестры, – таким образом, была установлена их фамилия. Среди писем был найден обрывок старой книги, на котором можно было различить надпись тем же почерком: «Из книг Ларисы Литвинцевой». В одном из писем автор сетует по поводу долгого молчания сестры: «Ну, Августа Евгеньевна, задала ты нам жару!» Так «сложилось» имя – Лариса Евгеньевна Литвинцева! Упомянуто место проживания: «Мы, жильцы 2 Солдатской...» Также много пишется про школу, про учеников, что привело нас к выводу, что обе сестры раньше работали в школе.

Письма охватывают период с 1903-го по 1911 год и адресованы младшей сестре Августе, получающей образование за границей (на письмах указаны адреса: Швейцария, Англия, Франция). Письма отправлялись из Иркутска, а также из Баранчиков (ныне порт Байкал,

конечная точка Кругобайкальской железной дороги) и Усолья (ныне г. Усолье-Сибирское Иркутской области), куда Лариса уезжала на летний отдых. Кроме того, Лариса гостила (видимо, не раз) в деревне Картухай Качугского района (в 300 км от Иркутска, на реке Лене). Благодаря тому, что каждое письмо автором пронумеровано, можно было определить, что писем было отправлено более 1500 (до нас дошло 115), то есть сестры писали друг другу через каждые 3–4 дня (по характеру писем чувствуется, что сестра Гута активно отвечала). Из этих писем сохранилось 24 многостраничных письма, остальные – на открытках. Часть открыток 1909–1911 годов деформирована: кем-то оторваны или стерты части текста. Ни одной фотографии, к сожалению, вместе с письмами найдено не было, хотя указывается, что они существовали. Заинтересовавшая нас семья Литвинцевых ни разу не попала в объектив историко-краеведческих исследований иркутских ученых, тем не менее эта фамилия оставила свой след в периодических изданиях и архивных документах того времени. Всего нами было просмотрено и изучено около 500 единиц печатных и рукописных источников: адресные книжки, «Епархиальные ведомости», «Клировые ведомости», «Дела Духовной консистории», метрические книги и т. д.

Мы установили возраст автора, охватывающий период переписки: 30–40 лет. Год рождения: 1869. Собственной семьи Лариса Литвинцева не имела.

На долю автора выпали немалые испытания: ранняя смерть отца, судебная тяжба с двумя родными сестрами из-за наследства, длительное расставание с любимой младшей сестрой, смерть матери, материальные трудности. Все это подорвало здоровье Ларисы, но не сломило ее дух. Вначале она жила вдвоем с мамой Лидией Васильевной по улице Второй Солдатской (ныне улица Лапина). Литвинцевы владели несколькими зданиями в одном дворе, сдавая их жильцам (сейчас на этом месте расположено Монгольское консульство).

После внимательного изучения периодической печати и архивных документов мы установили, что отец Ларисы был священником Никольской церкви в селе Листвиничном на Байкале. В Листвянке отец Евгений прослужил 20 лет, был любим и уважаем своей паствой и начальством, получил благодарность Священного синода и фиолетовую скуфью. Но в 1881 году он неожиданно подвергается опале со стороны священноначалия и светских властей: в Духовную консисторию поступает жалоба на батюшку от начальника таможни с. Листвиничное, где отца Евгения упрекают в том, что он сотрудничает с народнической газетой «Сибирь» и описывает якобы «поборы» простых рыбаков таможенниками.

Одновременно поступают и другие жалобы на правдолюбивого и бескомпромиссного священника. Батюшка подвергается «заключению в Вознесенский монастырь» и вынужден перевестись в другой приход. Из архивных документов видно, что иркутскому владыке Вениамину, ценившему отца Евгения, непросто далось это решение, он, как смог, смягчил участь своего подчиненного; тем не менее это был удар для семьи.

И вот позади – блестящая карьера, впереди – вечная помета «неблагонадежен». Из года в год, в каждой клировой ведомости, с каждого места служения. В семействе подрастают четыре родных дочери и одна приемная, на руках – престарелые родители, перевезенные из Забайкалья, и жена Лидия Васильевна. Лариса – подросток. Согласно «Епархиальным ведомостям» 1880–1890-х иерей Евгений Литвинцев еще два раза меняет место служения, затем переходит в «заштатные», а после в «безместные» священники. Умирает он в 1894 году в возрасте 50-и лет.

Из писем понятно, что личность отца и семейные испытания, связанные с ним, наложили отпечаток на мировоззрение и судьбу дочери Ларисы. Она критично описывает церковное начальство (обидчиков отца), руководство иркутской семинарии, в письмах встречаются фразы о том, что она не может молиться и ходить в церковь. Оставаясь верующим человеком, церковную обрядность называет «шелухой». В других же письмах благодарит Святителя Иннокентия (Кульчицкого), которому молилась во время тяжелой болезни, со светлой радо-

стью вспоминает Пасхальную службу, пишет, что обретает после долгого перерыва радость молитвы, заказывает панихиды по матери.

«Необыкновенно наслаждаюсь ... жизнью»

Письма дают представление о семейном укладе Литвинцевых, об их повседневной жизни.

6 февраля 1910 г. Лариса пишет: «Я стараюсь соблюсти декорум. Всегда прилично одета, причесана. В комнате убрано. Стараюсь правильно и сытно питаться, регулярно гуляю. Одним словом, все, кто меня знает, не подозревают, какие страшные душевные бури переживаю подчас. Здорова. Открытки твои получаются исправно».

У Ларисы постоянная потребность в общении с «милой сестрой Гутой». Пишет Лариса убористым почерком, исписывая весь лист, не оставляя даже места для прощания, так как за каждый грамм общего веса письма надо платить. Благодаря этому создается впечатление, что разговор с Гутой не заканчивается, он переливается из письма в письмо.

В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет: «С утра я обыкновенно прочитываю местную газету, которую разносчик заталкивает в щель парадных сеней, а мамочка заботливо кладет ее подле моего чайного прибора. (...) Потом я облакаюсь в твою евражковую шубу – она очень тепла, легка и удобна, я уже ее оттреплю скоро – и отправляюсь с зелененьким бархатным мешочком (работой мамочки) вдоль по Большой прогуливаться и опускать в ящик тебе открытку. (...) Необыкновенно наслаждаюсь и морозным воздухом, и видом двигающегося люда, и жизнью. Захожу в магазин покупать лакомство или фрукты и плетусь обратно. После сытного, великолепно приготовленного обеда, за которым мама чуть не плачет, вспоминая тебя и что ты теперь бегаешь в чужих людях, как голодная собачонка, что теряешь здоровье и силы, я ложусь, совершенно расслабленная воздухом и пищей, спать часа на полтора. Встаю совершенно бодрая, свежая, крепкая, веселая и счастливая, так как с этого момента для меня начинается самая лучшая часть моего дня – вечернее чтение. Напившись чаю (мы с мамой двое чуть не выпиваем весь самовар), я с улыбками и ужимками, как, бывало, тятинька, берусь за бутылку керосину и наливаю мою висячую лампу – лохань, и при ослепительном свете принимаюсь за чтение».

Мать Ларисы тоже была грамотным, читающим человеком. «Она обыкновенно запоем читает, не пройдёт прогуляться, не посмотрит, как тени от тучки ложатся на воду, и лес делается мрачным, а так будто обязанность отбывает и старается всячески скоротать время и совершенно не отрывается от книги (...) Мама читает Писемского», – пишет Лариса из Усоля (20 июля 1908), куда возила маму на лечение.

Похоронив ее в 1909-м году, Лариса постоянно ходит на могилу, носит самодельные венки, заказывает в храме панихиду (это было последней настоятельной просьбой глубоко верующей матери): «Верь мне и сейчас, ибо дух мамы своей помощью не оставит нас ни на минуту». Мать осталась для дочерей образцом труженицы и стойкого человека, не теряющего присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Она одна управлялась «с жильцами» (сдача жилья в аренду), обшивала и обвязывала всю семью, была искусным поваром. Хотя в доме была прислуга, мама хорошо и вкусно готовила: «Сейчас я продолжаю писать это письмо, сижу в столовой у печки, потому что сегодня страшный мороз. Мамочка готовит обед, на кухне уже давно хорошо пахнет. На столе сейчас уже стоит “антрэ” – рыжики и грузди, залитые уксусом, огурцы, капуста, ягоды разных сортов в маринаде. Сейчас мама принесет жирные щи с капустой, от которых я сразу валюсь спать» (27 января 1906).

«Беспристрастная повествовательница событий»

Лариса описывает строительство Кругобайкальской железной дороги и Русско-японскую войну, революционные события 1905-го года, покушение на губернатора Мишина и разгул преступности, произвол полиции и реформы в Иркутской Александровской тюрьме, ограбление на золотоплавильне и реакцию на убийство политического ссыльного А. М. Станиловского, приезд французского кинематографа и спектакли Городского театра, открытие бань на Арсенальской (ныне ул. Дзержинского) и порядки в магазинах купца Второва... Перечень имен также обширен: кроме упоминаемых членов семьи и близкого окружения, это губернаторы Кутайсов и Мишин, редактор народнической газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов, протоиерей Дмитрий Гагарин (церковный деятель, педагог, публицист, отец будущей солистки Большого театра Варвары Гагариной; интересно, что автор называет его, как хорошего знакомого, «Митей»), смотритель Александровской тюрьмы Лятоскович и многие другие.

В письме от 27 января 1906 года Л. Е. Литвинцева так оценивает свою роль в истории: «Я ...не буду оценивать явления, превышающие мой кругозор, а только буду беспристрастной повествовательницей событий». Она не общественный деятель. Она серьезно больной человек, она многого боится, редко выходит из дома. Но ее горячее сердце, боль за происходящее, аналитический склад ума не дают успокоиться.

Строительство Кругобайкальской железной дороги

В письме от 15 июля 1904 года, отправленном из Баранчиков (ныне порт Байкал Слюдянского района Иркутской области) Лариса Евгеньевна пишет: «На Байкале идут сплошные работы. Взрывы динамита гремят непрерывно. Грудь горы вся истерзана им, точно коршун выклевал ее живую душу. Я каждый день хожу мимо этих работ, и вид падающих гор производит на меня тяжёлое действие. Издолбят всю, зашатается и упадёт и только синий дымок вьётся на месте смерти».

Речь идет о строительстве Кругобайкальской железной дороги, которая являлась самым сложным по строительству участком Великого Сибирского пути. Она строилась при императоре Николае II с 1902-го по 1918 год и проходила от конечной станции Иркутско-Байкальской ветки (порта Байкал) по берегу озера Байкал до станции Мысовой. Для прокладки тоннелей (общей протяженностью 7,2 версты) производились взрывные работы.

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Делясь с сестрой личными впечатлениями от инженеров-строителей, Лариса Евгеньевна переходит к описанию событий и настроений, связанных с Русско-японской войной: «Гута, сейчас (...) с пристани Ледокола служащий принёс поразительное известие: сегодня утром над Ледоколом летал воздушный шар, конечно японский. (...) Взорвать Ледокол гораздо важнее, чем Порт-Артур, и я так испугалась, что при первом известии у меня руки отнялись. Здесь в Баранчиках центр переправы. Ежедневно проходят тысячи войск, пушек, провиант везут непрерывно. Это узел всероссийской переправы (...). Издан строжайший приказ стрелять, как только шар близко спустится. Как важен этот пункт, видно из того, что на каждом шагу стоит часовой и 10 шагов не пройдёшь, чтобы не вырос солдат с ружьём и что в Лиственничном живёт министр путей сообщения, который лично смотрит за переправой; и вот опасность подкралась с воздуха. (...) Важнее всего то, что мы с мамой третьего дня видели этот воздушный шар над Иркутском. Я приезжала проводить её и менять книги. И вот вечером прохаживалась по мосткам перед крыльцом. Смотрю над головой, т. е. в стороне, к востоку от дома, высоко летит что-то круглое, красное. Я думала, метеор и в окно громко закричала: “Мама!” Мама выскочила и по медленности движения мы опреде-

лили, что это, вероятно, спускали шар в Интендантском саду и, глубоко заинтересованные, следили, пока он не пролетел над нами и не скрылся из виду» (15 июля 1904).

Подтверждения факта летающего в 1904 году над Байкалом и Иркутском шара в официальных и летописных источниках мы не нашли. Все упоминания о первых опытах русских воздухоплателей в Иркутске начинаются с 1906 года, то есть двумя годами позже. Однако А. К. Чернигов в «Иркутских повествованиях» оговаривает (без указания дат), что «одним из первых практических применений летательных аппаратов являлось военное дело, как орудие уничтожения живой силы и техники противника». У нас возник вопрос: каким образом человек, пишущий о событиях июля 1904 года, мог «сочинить» то, что произойдет только через 2 года? Мы не могли не реабилитировать нашу Ларису Евгеньевну и просмотрели все номера газеты «Восточное обозрение» за это время. Конечно, нашли заметку «Воздушный шар над Забайкальем» (№ за 18 июля 1904 года), где сказано, что таинственный шар действительно видели в разных местах в районе озера Байкал.

Первая русская революция. Волнения военного гарнизона (ноябрь 1905 года)

В книге А. П. Косых, В. Н. Панова, В. Г. Тюкавкина «История Иркутской области» мы обнаружили такую информацию об этих событиях: «Военная организация РСДРП подготовила митинг солдат Иркутского гарнизона и казаков казачьего дивизиона 28 ноября в городском театре. Солдаты и казаки избрали военно-стачечный комитет, нового начальника гарнизона, командиров частей и коменданта города. 30 ноября в городе проходила вооруженная демонстрация».

Л. Е. Литвинцева пишет о том, что волнения солдат очень напугали жителей, ждали кровавых погромов. Но офицерский состав взял ситуацию под контроль, организовал написание солдатского манифеста и повернул ситуацию в мирное русло: «Ожидали, что пьяные солдаты разнесут город так же, как разнесли, сожгли и обратили в груды развалин Владивосток. Но ничего подобного не случилось именно потому, что нашлись интеллигентные офицеры, которые и повлияли на массу в благоприятном смысле, вдохнув в нее свой благородный рыцарский дух. Получилось нечто совершенно обратное тому, что мы ждали: в городе воцарилась тишина, хулиганы куда-то скрылись, выстрелов по Иркутску не было слышно. Народ ликовал. (...) Наступила как бы Пасха, народ толпами гулял по улице, слышался везде говор, смех, радость, торжество. Я уже говорила, что солдаты сами выбрали себе Председателя Стачечного комитета, начальника гарнизона, коменданта, командира казачьего дивизиона. Всё это оказались личности, чрезвычайно интеллигентные, самоотверженные и светлые. Солдаты не обманулись, чутье им верно подсказало, кто друг их, кто враг. И я не ожидала, что и военная среда имеет истинно образованных людей и нелицеприятных борцов за Правду. Они вступили в управление 20 тысячной массой, и народ им доверчиво, как дети, покорился. Вынесен был им список нелюбимых офицеров и комитет приказал этим лицам удалиться из Иркутска в 12часовой срок, а также и всем тем офицерам, которые не примкнули к забастовке».

Любопытны замечания о солдатском манифесте: «С внешней стороны он начинался так: “Хотим быть, как японцы, чтобы вилка, ложка, баня, мыло, записная книжка, чтобы морду не били и не обкрадывали нас. Что мы хуже японцев, что живем как свиньи?” А потом вглубь пошло так, как японцу далеко, ибо у них нет ни Толстого, ни Достоевского, а перед нами сейчас стояли духовные дети этих гениев, и этот Дух дышал среди них, потому что первое, о чем они повели речь, это о Душе и о Правде человеческой. Им больше всего надо было, “чтобы в людях правда была”. Дремавшие в них духовные силы проснулись вдруг с страшной мощью, и они запросили “не поповской правды”, а другой, которая открыта “книжным людям”».

Следующий интересный факт, описанный Ларисой Евгеньевной, мы считаем также не утратившим актуальности для современного общества: «Постоянный председатель солдат-

ских митингов, бравый фельдфебель и человек, как оказалось потом, недюжинных способностей, по поручению и просьбе всех забастовавших солдат, ходил к управляющим акцизными сборами и попросил не только закрыть винные лавки, но и вывезти все вина их Иркутска из его главных складов: “Мои товарищи во хмелю бывают беспокойны и водка может много зла наделать. Солдаты просят увезти ее с глаз долой, чтобы не быть злу и не пролить человеческой крови”. Управляющий согласился. И хотя казна понесла за эти дни убытку свыше 150 тысяч рублей, Иркутск был спасен» (27 января 1906).

Покушение на вице-губернатора Мишина

Лариса Евгеньевна была из либеральной семьи, она критикует царское правительство, разделяет мысль о необходимости переворота в стране. Но в цитируемом письме от 27 января 1906 года (которое по объему могло бы стать отдельной книгой) Лариса пишет: «А вот, когда убивали Мишина, так была маленькая подробность, которая совершенно валит всю целесообразность этого акта [т. е. бескомпромиссной борьбы с «душителями Свободы»]. Когда Мишин вышел из подъезда своего дома, к нему подошел солдат и стал просить милостыню. Мишин приостановился, а в это время выслеживающий его убийца из-за угла выстрелил, пуля задела бок Мишина. Когда раздался второй выстрел, солдат проворно собою загородил Мишина, и уже смертельно раненый, всё держался на ногах и толкал Мишина в дверь подъезда, всё время загораживая его собою и получая выстрел за выстрелом в спину, и упал только тогда, когда Мишин скрылся в дверь подъезда. Вот этот случай немножко смущает». Видимо, Лариса хочет сказать, что при таком покушении могут погибнуть и невинные люди. Но мы видим, что даже дочь священника готова оправдать кровь, проливаемую за «святое» дело – так много недовольства накопилось в обществе.

В книге И. В. Наумова «История Сибири» этот случай описывается таким образом: «Одной из знаменитых форм революционной борьбы сибиряков стал политический террор. Самыми известными террористическими актами стали: убийство в Омске губернатора Акмолинской области генерала Литвинова в 1906 году, убийство иркутского полицмейстера Драгомирова в 1905 года и тяжелое ранение иркутского вице-губернатора Мишина в том же году». Официальной информации о самопожертвовании солдата мы не нашли ни в учебниках, ни в архивном деле «О покушении на вице-губернатора Мишина». Видимо, история в данном варианте ходила в народе, который одобрял именно такой поступок. По этой причине считаем этот отрывок письма очень ценным.

Революционные настроения

С огромным волнением и сочувствием Лариса Литвинцева описывает революционные события в Иркутске в 1906 году: «За последнее время в Иркутске произошло много событий. Самое важное – это то, как мы были гражданами, и как у нас образовалось свое правительство. Это было между 17 октября и 20 декабря. Сейчас у меня осталось воспоминание об этом, как о чем-то светлом, радужном... Я узнала это в первый раз после того, как приходившие к нам знакомые, не называли нас по имени, а говорили: “Здравствуй, гражданка”. И на улице на каждом перекрестке слышалось это слово. В магазинах приказчикам говорили: “Гражданин, дайте того-то”, мальчики кричали: “Граждане, газеты”. Я еще более убедилась, что произошло что-то, когда раскрыла газету [номер «Восточного Обозрения»], там на первом листке объявлялось, что так как мы отныне стали гражданами, то всякий именующий себя таковым, должен немедленно вступить в открытую борьбу с царским правительством, его чиновниками, черносотенцами, хулиганами и попами. Граждане призывались к вооруженному восстанию против своих “душителей и палачей”, причем рекомендовалось пускаться в ход все средства. В первый раз я тут поняла, чем может быть, т. е. чем должна быть газета, для читателя и вспомнила между прочим твои слова, как ты однажды вскользь заметила – “не знаю, как буду обходиться без парижской газеты”. Тогда я подумала, что разве мало газет на свете, не все ли равно, какая газета. А тут вспомнила, что если такие в Париже газеты,

как было наше Вос[точное] Об[озрение] во время “Свободы”, так, действительно, жить без такой газеты нельзя. Она была, как живая. Казалось, каждое слово дышало в ней кровью и слезами. Бывало, с нетерпением ждешь следующего дня только для того, чтобы получить следующий номер газеты. А не думай, чтобы там говорилось о великом горе России, нет, тут разбирались только иркутские язвы и боли в ее общественной жизни. Выступили на арену иркутские темные силы и светлые его духи, и тьма оказалась так велика и силы их так громадны, и явились они в такой всеоружии, точно сам дьявол вышел из ада. Весь народ “забастовал” – так называется это состояние души человеческой на народном языке. “Забастовка” – это полная невозможность человека сосредоточиться на чем-нибудь другом, кроме того, что охватывает его стихийно в данный момент. Во всех концах города собирались митинги, вдруг откуда-то, точно из земли выросли, появились талантливые народные ораторы и вожаки партий. Митинги устраивал каждый, кто организовывал известную группу, были и просто беспартийные всенародные митинги. Народ собирался по пять, по десять тысяч, набивался как мошка, в здание заседаний и прилипал к стенам его и к выходам, и мостился на карнизах и окнах.

Так велика сила живого, могучего человеческого слова. Митинги устраивали и забастовщики, и учащиеся, и учащие, и чиновники, и хулиганы, черносотенцы, и попы. Каждый говорил, что думал, что знал и что мог. Из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы, настолько светлые и легкие по уму, что и сейчас умственный облик стоит в память всего Иркутска, как нечто в высшей степени яркое и необыкновенное: “Свобода сходов, союзов, собраний и организаций!”, “Свобода слова и печати!” Да, я поняла, что это нечто действительно великое и могучее, и на первый раз, как я прочитала в манифесте эти слова, я не могла охватить всей глубины их смысла и значения, таких, по-видимому, общих обещаний, общих мест, обыкновенных слов. Этими 4–5-ю словами сама скованная жизнь была выпущена на волю, могущественная, бьющая через край, кипучая жизнь. Казалось, могучий поток пробил оковы и хлынул, разрушая все на пути. В человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, Ум и Совесть. И вместе с тем ворвалось на волю все вековечное его горе, обиды, унижения, боль, поругание – все вылилось в могучих потоках слов и речей».

Мы пришли к выводу, что прочитав только письма Л. Е. Литвинцевой, можно понять, почему произошла революция.

Но очень хотелось бы узнать судьбу нашей героини после Октябрьского переворота, в пору репрессий и уничтожения народа пришедшими к власти «светлыми» силами. Поменяла ли она свои взгляды?

В семье Литвинцевых царил либеральный, даже народнический дух. Семья читала полузапрещенных авторов, выписывала газеты «Сибирь» (отец сотрудничал с газетой под псевдонимом «Тутошний»), затем «Восточное обозрение», которая в 1906 году была запрещена правительством.

В круг общих друзей сестер входят люди, занимающиеся распространением революционной литературы, члены подпольных кружков. Лариса в письме от 19 августа 1904 года подробно описывает дело «юноши Ковригина» и очень жалеет «сестру Саши Синявиной»: «Но ведь я начала-то рассказывать не о том, как расправляется полиция с обывателями, а как она выметает и выскребает “старателей” земли Русской, нашу русскую многострадальную молодежь. Удручающее впечатление произвело известие о помешательстве Ковригина. Погиб даровитый, цветущий юноша. Сестра Синявиной была схвачена вместе с ним. Срок свой отсидела и по недостатку улик выпущена «на свободу», но тюремное заключение и то обстоятельство, что она нечаянно выдала Ковригина, так на нее скверно подействовало, что она впала в тихое помешательство. Тоскует страшно, бредит тюрьмой и каждую минуту говорит о самоубийстве. Теперь она живет в улусе в качестве фельдшерицы. Лечит бурят

и питается около них. Ей все пути к жизни отрезаны. Запрещено не только преподавать в школе, но даже частные уроки. В улус она забралась только для того, чтобы как-нибудь про-существовать, не умереть с голоду и работать “идейно”. Говорят, буряты ее очень любят, называют “святая девушка”, потому что она творит чудеса самоотвержения, но что душев-ное ее состояние скверно и, вероятно, она кончит самоубийством. Не следовало Саше без призора оставлять малую сестру. Одна, без любви, без поддержки, она как былиночка от первого же налетного ветра сломилась».

В ГАИО мы нашли подтверждающий документ «О рукописных журналах “Порыв”, “Свисток”, рукописях, прокламациях и брошюрах революционного содержания, найденных у учеников Иркутской духовной семинарии Павла Попова, Михаила Ковригина и ученицы Иркутской акушерско-фельдшерской школы Евстолии Синявиной. 5 мая 1903 г. – 6 октября 1904 г.».

Лариса Евгеньевна раньше, как мы предполагаем, тоже подверглась преследованиям за подобную деятельность или сочувствие таким кружкам. На это наталкивают некоторые строки, особенно эти: «Ныне Катюха моя [бывшая ученица] съездила на деревенскую сва-дьбу [в Жилкино]. Так там имя мое окружено легендой: “К царю уехала ‘с одобрением от общества’ отстаивать интересы крестьян. Царь ее до себя не допустил, но велел схватить в тюрьму, и она там умерла за крестьянский народ...”» (открытка, 11 сентября 1908). Пора-зительные строки! Лариса пишет о себе с иронией, она вообще не раз подчеркивает, что ее силы потрачены впустую, что жизнь прожита зря. И все же перед нами предстает образ народного заступника, вышедшего из среды русской интеллигенции.

Педагогическая работа

При чтении писем стало понятно, что Лариса Евгеньевна была учительницей в одной из иркутских школ. Изучая архивные материалы в Отделе историко-культурного наследия областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского, мы нашли место работы Ларисы. Это Вениаминовская школа по Спасо-Лютеранской улице с двумя классами: для мальчиков и для девочек. Она учила девочек.

Видимо, из-за тяжелой болезни Лариса Евгеньевна, проработав учительницей почти 20 лет, вынуждена была уйти из школы, а затем перейти на частные уроки. Она не раз раз-мышляет о смысле учительского труда в своих письмах, тем более что до отъезда за границу сестра также работала учительницей (ее имя мы нашли в списках учителей Александров-ской школы. В одном из писем читаем: «Как значительны для детей их детские впечатления и с какой бережливостью и осторожностью надо обращаться с детской душой. Теперь, оки-дывая взглядами мою 20-ти летнюю практику в школе, я ясно вижу, что самое прекрасное и изящное, что было в моей жизни, это галерея тех сотен детских душ, которые прошли предо мною, и теперь я понимаю, почему я была так счастлива в школе» (5 апреля 1906).

Школа в жизни Ларисы сыграла огромную роль. Для нее это тяжелый, но любимый труд, и она до конца остается ему предана. Лариса Евгеньевна с такой любовью отзывается о своих ученицах, так подробно описывает их сочинения, что создает впечатление истинного патриота профессии. Ей очень близка методика Л. Н. Толстого, разработанная им для ясно-полянкой школы. Она применяла в работе приемы «естественного воспитания».

Руководству было очень жаль расставаться с хорошим учителем. 4 марта 1905 года, после болезни, Лариса пишет сестре: «Гагарин, когда я подала прошение через него, удержав на два дня это прошение, приехал ко мне и чуть не со слезами просил: “Подождите подавать прошение до конца августа (...) Напишите в совет, чтобы он дал вам вторичный отпуск, конечно, без сохранения содержания. Я, главным образом, из-за того хлопочу, что вы редкая учительница, и мне терять вас жаль”».

Мы нашли еще одно подтверждение тому, что Лариса Евгеньевна была уважаемым и любимым учителем. В «Епархиальных ведомостях» за 1906 год есть заметка следующего содержания: «Чествование учительницы. 15-го апреля с. г. состоялось скромное по размерам и по обстановке, но редкое по сердечности и участникам, торжество. Учащие и учащиеся, в лице своих представителей, Иркутской городской имени Архиепископа Вениамина II церковно-приходской школы чествовали свою бывшую учительницу Лариссу Евгеньевну Литвинцеву. Они явились в ее квартиру и в адресе, прочитанном заведующим школой священником Д. Гагариным, выразили ей свою глубочайшую благодарность за труды и заботы по благоустройству учебно-воспитательной части этой школы и вместе с тем высказали сердечное соболезнование, что она хворает и оставила занятия в школе. Прощаясь, прибывшие высказали пожелание вновь видеть Лариссу Евгеньевну в школе. Полную сил и здоровья. Затем поднесли ей фотографическую карточку с девятого выпуска школы».

Круг чтения

В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет о вечернем чтении: «Я могу читать со страстью, с упоением 5–6 часов подряд, не поднимая головы и ни на секунду не прерывая течение мысли, всё равно, будь это серьезный философский трактат или европейский классик».

Письма Ларисы Евгеньевны дают представление о ее незаурядной начитанности. Кроме того, что она является большой поклонницей Льва Толстого и дает глубокий литературоведческий анализ его произведений. В список ее любимых авторов входят Лермонтов, Достоевский, Горький, Мельников-Печерский, Л. Андреев, Тэффи, Мопассан, Джек Лондон, Гамсун, Ницше, Шопенгауэр и другие. Все письма предваряются обязательной цитатой какого-то мыслителя, которая отражает ход мыслей и душевное состояние автора в данное время.

Особая страница и в ее жизни, и в письмах – отношение к Л. Н. Толстому. Лариса Евгеньевна была потрясена творчеством Льва Николаевича. Вот что она писала сестре в 1903 году: «сегодня буду целый вечер читать дорогого Льва Николаевича. Я каждое его слово беру с уважением и глубочайшей благодарностью читаю его чрезвычайно внимательно и только тогда, когда бываю совершенно спокойна...»

Лариса очень переживает, что церковь не принимает Толстого. Отвергая его учение – отвергает и как великого художника: «Не знаю, что больнее, о чём говорить: о том, как убиваются в России земства или как убивают святые имена, или как убивают цветущую молодёжь. Всё больно и всё тягостно (...) Господи, как же работать-то, где смысл нашей учительской работы? (...) Мы не учителя, а жалкие презренные холопы» (19 августа 1904).

Театр и кинематограф

Лариса Евгеньевна была большой поклонницей театра и оперы. Постоянно посещала Городской театр (ныне Драматический театр им. Охлопкова), радовалась строительству нового на месте гостиницы «Россия» (здание ТЮЗа в советское время), с восторгом вспоминала гастроль Московского Малого театра в 1903 году.

В Городском театре была на таких спектаклях, как «Фауст», «Демон», «Кармен» и многие другие. В письме № 114 (без даты) читаем: «Меня же ошеломил “Тангейзер” Вагнера и “Хованщина” Мусоргского. Эти две оперы событие и новый поворотный пункт в моей духовной жизни. Я прозрела (...) до этой оперы я не знала, что есть мир Музыки и что я, в сущности, была лишена этого счастья».

В письмах можно найти немало других свидетельств активной культурной жизни горожан того времени. Трудно поверить, что в такой удаленности от российских столиц Иркутск являлся важным культурным и общественным центром. В частности, в письме от 27 сентября 1906 года Лариса Евгеньевна подробно описывает посещение «синематографа Люмьера», которое потрясло ее: «Я тебе хотела написать, как мы с мамой смотрели нынче синематограф Люмьера. В одно прекрасное время на столбах появляются объявления, что из Парижа приехал инженер Надо, он будет демонстрировать в Иркутске первоклассный синематограф Люмьера, причём печаталась и программа представления. Она была так заманчива, что я, слова не говоря, побежала в кассу за билетами».

Представление давали в здании Общественного собрания по улице Амурской (сейчас это здание Филармонии и ТюЗа по улице Ленина). В зале была создана атмосфера праздника: «Когда мы пришли, Собрание уже было залито морем света, и гремела музыка. Мы пробрались в первые ряды и заняли свои места. Ну, а потом, когда занавес поднялся, начались такие чудеса, что мы забыли всё на свете и приросли к месту».

Демонстрировался фильм о жизни французов: «Прежде всего он демонстрировал все замечательные здания Парижа и его главные улицы и площади, Эйфелеву башню от основания до вершины, т. е. весь подъём ее, Булонский лес, парки, парижские скачки на всём их пространстве, на громадном расстоянии, от места отправления до приезда к цели, ложи с парижской знатью, весь парижский шик и простую толпу, тотализатор. Набережную Сены показал всю. Затем типы парижских женщин и вообще женщин Франции, их национальные особенности, костюмы и причёски, здесь главное внимание он сосредоточил на британках и нормандках, показывая их во всевозможнейших головных уборах и костюмах. Они были совершенно живые, некоторые из них так раскланивались с публикой, так смеялись или делали такие произвольные движения, что забываешь, что видишь это только на полотне».

Ларисе очень понравилось то, что в заключение фильма были показаны сибирские просторы, Уральский перевал: «Просто сердце затрепетало от родных сосновых лесов, гор, дикой и могучей тайги. И опять он снял её на всём протяжении, из вагона снимал, а потому получилось такое впечатление, что ты едешь по железной дороге и смотришь из окна вагона, тем более, что всё время попадаются поезда, и вагоны то и дело мелькают мимо тебя. Теперь он поедет снимать Кругобайкальскую дорогу и типы и виды Забайкалья. Хорошо он заработает за этот выезд из Парижа, публика так валом и валит. Да и в Париже потом заинтересует всех Сибирью; я думаю, и наша Сибирь там фурор произведёт...»

Письма иркутской учительницы раскрывают перед нами незаурядный и в то же время типичный облик русского интеллигента того времени. Даже бытовые письма подчас превращались в многостраничные летописи.

Благодаря письмам, мы прикоснулись к прошлому Иркутска. Теперь многие дома и улицы для нас стали знакомыми и родными, рассказывающими свою историю.

«На острых кончиках штыков Мигало солнце огоньками» Первая мировая война в воспоминаниях и фотографиях

Екатерина Андрианова

Александр Колесников

Денис Соболев

п. Красногорняцкий, Ростовская область

...На острых кончиках штыков

Мигало солнце огоньками.

В. Катаев, 1916

В наших семьях память о Первой мировой – это даже не крупички, а предположения: кто из прапрадедов мог в ней участвовать? К сожалению, уже никто об этом не сможет рассказать. В местных архивах мы с трудом нашли сведения о Георгиевских кавалерах, всего 17 фамилий и больше ничего. Поэтому, когда мы познакомились с воспоминаниями Капитона Мельникова, то поняли, что это настоящий клад для исследования.

Подлинник воспоминаний хранится в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров, расположенного на территории нашего района. Первым их хранителем была дочь автора Мария Капитоновна Мельникова. В конце 70-х годов прошлого века она передала документ Тамаре Васильевне Рыковской, основателю школьного музея.

В воспоминаниях рассказывается о периоде с 1887-го по 1944 год. Время написания – предположительно 1950–1957 годы. Капитон Савельевич делал записи в последние годы своей жизни. Мелким почерком он заполнил 92 страницы толстой тетради, похожей на книгу. Получилась целая энциклопедия жизни одного человека.

Разбирать текст было очень трудно: мелкий почерк, не все буквы четко видны, много непривычных слов. Мельников пишет так, как привык разговаривать, – это не литературный текст, а просто рассказ пожилого человека о своей жизни.

Воинская повинность Капитона Мельникова

Капитона Мельникова призвали на действительную воинскую службу 26 января 1911 г.: «Я был призван воинским начальником в станицу Каменскую для отбытия военной повинности».

Воинская обязанность была всеобщей. Это означало, что служить в армии были обязаны все подданные Российской империи мужского пола всех сословий.

Определенные категории граждан не призывались на военную службу или пользовались отсрочками от призыва, льготами. В России в начале XX века трудоспособным членом семьи считалось лицо мужского пола, достигшее 16 лет. Капитона Мельникова призвать не должны были – он единственный сын в семье; отец умер, и на его попечении находилась одинокая мать и незамужняя сестра, трудоспособных мужчин в доме больше не было.

Матери Капитона – Евдокии Семеновне – предлагали обратиться с ходатайством в управление, чтобы сына не брали в армию. Но она не стала этого делать. Семья после смерти отца жила бедно. Скорее всего, на семейном совете решили, что эта служба даст возможность пережить трудные времена. По воинскому уставу, находящиеся на действительной службе полностью освобождались от всех подушно-государственных, местных (земских)

налогов и сборов, от натуральных повинностей. Это положение действовало еще год после окончания службы и перехода в запас.

Капитон без особого желания отправлялся в армию. Молодой человек из далекого степного хутора боялся неизвестности, встреч с незнакомыми людьми.

28 января Мельникова назначают в 81-й Апшеронский пехотный полк, который стоял в городе Владикавказе. Потом осенью 1912 года полк перемещают в Персию.

В годы Первой мировой войны Персия пыталась соблюдать нейтралитет. Однако боевые действия на Кавказском и Месопотамском фронтах захватили и ее территорию. Северный Иран в 1914–1918 гг. заняли русские войска, южный – английские.

Мельников принимает участие в боях с курдами: «15–19 июля 1913 г. на участке 5-го Кавказского полка завязались бои с группировкой курдов до 10 000 человек. В город Урмию и селение Сирг прибыли в помощь несколько конных полков и артиллерия в составе 6 орудий. 19-го выступили тремя колоннами в разных направлениях. Пройдя горную местность, спустились на равнину к селениям Гонгочи, Машокан. Здесь завязалась орудийная и оружейная перестрелка. Курды держались упорно, но, не выдержав боя, стали отходить на турецкую территорию через горы, покрытые снегом».

Осенью 1913 года Капитона Мельникова отпустили в отпуск на два месяца. И лишь весной 1914-го из полковой канцелярии сообщили об увольнении по высочайшему приказу в запас армии. 5 марта Капитон отправился домой. Вернулся в Донскую область, в хутор Керчик 14 марта. Почти 10 дней занимала дорога.

Мельников живет с матерью в маленькой старой глиняной хате. Он рассчитывает опять заняться плотницким делом и заработать денег. В его планах построить себе «деревянную хатенку, потом можно бы уже и жениться, так как время подошло и невеста уже была». Но Капитону Мельникову не удалось осуществить свои планы. Всего четыре месяца пожил он домашней мирной жизнью.

«Внезапно пришлось идти на защиту своей родины»

Этими словами начинается рассказ Мельникова о Первой мировой войне, новом этапе его жизни. Война разрушила мечты и планы не только Капитона. Для большинства населения, далекого от политики, она была внезапной.

Мельников описывает самое начало войны¹:

«Утром я лижал, отдыхал. Мать говорит, вставай, говорят война началась. Говорят, что будут брат на войну вас. Я сначала не поверил. Потом раздумал, может и правда. Быстро поднялся, вышел на двор, поглядел. Потом пообедали, что у нас было. Но через недолгое время бежит востовой, несет повестку».

18 июля было воскресенье. Народ Керчика собрался в церкви. «Как вдруг раздалась весть о том, что началась война с Австро-Венгром и Германией. Проскакали конники с красным хлагом. Известили о том, что страна в опасности. Пришлось идти на защиту своего государства. Мы первыми и в количестве 6 чел., были отправлены на сборный пункт в ст. Константиновскую», – пишет Капитон.

«Делать было нечего, нужно было собираться в пут. Родственников у меня не было, кроме матери. Прощался и вышел из дома. Был полудень, народу никого на улице не было. Я оглянулся назад, там стояла одна мать. И так скрылась из вида родная избенка. Сердца сжималось от жалости, может больше не придется вернуться домой, встретиться опять с родными и близкими друзьями».

¹ Здесь и далее орфография автора сохранена.

Первый призыв скоро прибыл в управление, где людей ожидала конная подвода. Когда она помчалась по хутору, встречные «делали прощальный привет, покачивая головой, размахивая руками». Выехав за хутор, Капитон оглянулся назад, прощаясь с родными местами.

На сборном пункте в станице Константиновской 20 июля проходило назначение в различные части. Мельников описывает митинг, который состоялся в станице. На площади около церкви собралось много народу. «После всего этого был отслужен молебен в честь победы над Германией».

После митинга всех отправили на конных подводах. Помчались призывники на войну, сменяя подводы в каждом населенном пункте. Утром 22 июля 1914 года прибыли в город Новочеркасск, где их погрузили на поезд и отправили на юг через Ростов-на-Дону.

Ростовская публика провожала проходящие воинские эшелоны с большим почетом. Стоявшие на перроне кидали в вагоны подарки, «приветствуя руками и всеми своими чувствами уходящих воинов». По улицам города мобилизованных провожали с музыкой и пением. (Пройдет три года войны, и Капитон Савельевич, возвращаясь с фронта, увидит другой город. Равнодушный к солдатам, уставший...)

23 июля 1914 г. Мельников вместе с другими солдатами отправился из Ростова в Батум, где их расположили в Михайловской крепостной артиллерии. 1 августа Капитона назначают в 7 роту форта № 5 под названием Степановка. Всех прибывших с первых дней обучают орудийному делу. Через несколько дней они начали рыть окопы, устанавливать батареи, развозить орудия, разносить снаряды. Обычная солдатская работа, не знающая ни праздников, ни отдыха. В Михайловской крепостной артиллерии пробыли два месяца.

Шли разговоры о том, сколько может продолжаться война. Офицеры объясняли своим солдатам, что война будет короткой, так как Германия придет к истощению и будет вынуждена просить мира. Но война разгоралась все больше.

30 сентября 1914 г. поступил приказ коменданта гор. Батума генерала Ельшена: откомандировать нижних чинов, служивших действительную службу в пехотных полках, в 264-й пехотный Георгиевский полк в составе 506 человек. Капитон попал в 8 роту, где пришлось пробыть недолго.

8 октября прибыл офицер – поручик Войневич для набора в команду службы связи. Он знал Мельникова по действительной службе. Войневич попросил командира полка назначить Капитона в команду службы связи. В службе связи начинались занятия по телефонному делу, которые продолжались до объявления войны Турцией.

На войне с Турцией

До сих пор не утихают споры о том, действия какой же страны являлись ключевыми в ходе Первой мировой войны. В нашем исследовании мы бы хотели рассмотреть, как повлияло на ход войны вступление в войну Турции. Что происходило на Кавказском фронте?

Находившаяся под влиянием германской политики, Турция вначале заявила о нейтралитете. Но уже 2 августа 1914 г. турецкое правительство заключило тайный договор с Германией о войне против России. Приступив к всеобщей мобилизации, Турция фактически передала в распоряжение германского генерального штаба все свои вооруженные силы. 12 ноября Турция провозгласила «священную войну» против Антанты.

Кавказская армия под командованием И. И. Воронцова-Дашкова насчитывала 170 тыс. человек, 350 орудий. В ноябре 1914 года, перейдя турецкую границу, армия развернула наступление в полосе до 350 км. Но, встретив упорное сопротивление противника, перешла к обороне.

В то же время турецкие войска вторглись на российскую территорию. 5 ноября 1914 года российские войска отступили в сторону Батума. Под контроль турецких войск перешла вся Батумская область, за исключением Михайловской крепости.

«Служба связи с того времени начала занятия по телефонному делу, которые продолжались до 21 октября, то есть до объявления войны Турцией. 22-го были отправлены некоторые роты на позицию. С этого дня завязался бой. Слышно было орудейные выстрелы. С каждым днем турки все приближались к нам», – пишет Капитон Савельевич.

После столкновений русская армия овладела турецкими позициями в районе Эрзурума. В декабре 1914 – январе 1915 в ходе Сарыкамышской операции Кавказская армия осуществила наступление на Карс 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши. Капитон Савельевич подробно, день за днем, рассказывает о продвижении войск, перечисляя почти все населенные пункты, перевалы, горы, реки. При этом он указывает расстояния переходов войск. Походным маршем прошли 120 верст, 40 верст...

В феврале 1915 г. командующим Кавказской армией назначен Н. Н. Юденич (1862–1933), один из лучших генералов России. Войска обрели веру в себя и в свое превосходство над противником.

В декабре 1915 – феврале 1916 г. русская армия осуществила успешную Эрзерумскую наступательную операцию. «Слышно была сильная стрельба, но утром поднялась сильная буря которая не давала смотреть глазам вперед, но было приказано идти вперед укреплений ... В то время шла сильная стрельба. Мы находились в резерве 29 января возвратились в Гасы-калу находящуюся под Эрзерумом (шали). 3-е февраля утром город был взят нашими войсками. Здесь было зафочено до 400 (200) орудий разного калибра, включая 12 дюймовые, 15 тысяч пленных», – вспоминает Мельников.

Турецкий гарнизон отступил, потеряв до 70 % личного состава и почти всю артиллерию. Преследование отступавших турецких войск продолжалось, пока линия фронта не стабилизировалась в 70–100 км западнее Эрзурума.

«4 февраля 1916 г. в Гасан-Калу прибыли командующий кавказским фронтом Николай Николаевич осмотрел Гасан-Калу и проследовал в город Эрзурум. Он благодарил войска за твердость, стойкость и мужество».

12 февраля 1916 г. в жизни Капитона Савельевича произошло важное событие. Приказом по полку он «был переименован в младшей унтер офицеры за боевые отличия».

Младшие унтер-офицеры были командирами отделений, они хотя и относились к нижним чинам армии, являлись промежуточным звеном между офицерами и солдатами. Выпускник унтер-офицерской школы, полководец Г. К. Жуков отмечал, что основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав. Младший унтер-офицер Капитон Савельевич Мельников и был таким «фундаментом» русской армии.

Итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте превзошли ожидания русского командования. Русские войска продвинулись вглубь Турции, овладев важнейшими и крупнейшими городами – Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном и Битлисом. Кавказская армия выполнила свою основную задачу – защиту Закавказья от вторжения турок на огромном фронте, протяженность которого к концу 1916 года превышала 1000 верст.

Война – это всегда страшно

Зимой 1915–1916 гг. стояли сильные морозы. Ночевать приходилось под открытым небом в палатках. Солдаты замерзали от холода и недоедания.

«1 января 1916 г. потери с нашей стороны небольшие, но много выбыло из строя ввиду обморожения и поэтому ряды рот ослабли. Стояли в снеговых окопах. Не было хлеба, мучил голод. 16 января наступление шло тяжело. Бои были жестокие, с обеих сторон участвовало

до 800 орудий. Гул был непрерывным, пулеметы трещали своим адским огнем день и ночь. Ранили и убивали. Полки сильно редели. Лежал глубокий рыхлый снег, по которому было очень трудно проходить. Лошади с вьюками падали в грязь, так что приходилось вытаскивать на себе. Из-за непогоды пришлось мириться с голодом, рассчитывать на подвозы не приходилось».

Из Гасан-Калы Мельников вышел в плохих сапогах, их хватило только на один переход, то есть на 30 верст. Пришлось идти босому по снегу и грязи. Переходить реки по поясу и даже по горло в воде.

27 марта. По дороге в грязи лежали лошади, верблюды, скот, замерзший от холода и голода. Селения были разбитые. Не было никого, кроме кошек и собак. На пути лежали замерзшие женщины, дети, старики.

30 марта заняли сторожевое охранение. Здесь пришлось сильно голодать. Потому что не было хлеба и нельзя было ожидать подвоза ввиду сильного расстройства транспорта и дорог. Солдаты почти умирали от голода. Пришлось питаться травой, которая только начинала вылезать из земли. Утром доставили хлеба на роту, то есть на 250 человек – пять пудов. «Мы с жадностью ждали, когда раздадут нам хотя по малиннику кусочку».

Конец января 1917 г. От плохой пищи и окопной жизни началась цинга. Она обессиливала солдат. Оставалось по 50 человек, но и они не могли нести караульную службу.

Изучая материалы о Первой мировой войне, мы нашли фотографию, где турецкий чиновник дразнит хлебом армянских детей. Жестокая картина: голодные дети с трудом стоят на ногах и тянут руки к хлебу.

Мы обратили внимание на тот факт, что в дневнике больше говорится о тяжелых переходах через перевалы в жару и в холод, об обмороженных солдатах, о потерях во время передвижений, о голоде. О том, как ведется сам бой, сказано очень мало и кратко. Это говорит о том, что переходы и подготовки к боям были психологически намного сложнее, чем сами бои. На Мельникова большее впечатление производят не бои и штыковые атаки, а то, что происходит вне сражений, как живет местное население, какова окружающая природа.

Как живет человек с вражеской стороны? Как он себя ведет?

«Когда сошел с высоких гор снег, то жители с турецкой стороны приходили шайками и рассказывали, что хлеба нет, одежды тоже самое». Турецкие войска получали по ¼ хлеба в сутки. Сахару совсем нет, мясо давали два раза в неделю. «Литца у перебежчиков были измучены, одежда рваная». Среди беженцев были женщины, дети и старики. Мужчин среднего возраста не было, они находились на войне. Дома этих людей были разрушены, «они бежали неизвестно куда». Это ситуация по другую сторону войны.

«Част жителей города Эрзерума бежало, но многие остались, которые рассказывали, что их уговаривали бежать в глубину Турции. Им говорили что русские в плен не берут, а убегают. Которые остоются живые, тех мучат голодом, заставляют работать. Вообще указывали, что русские как звери. Незнают человечества. Жители город были оборваны. Их изнуренные литца наводили жалкий вид».

Местное население

Фронтальная жизнь Капитона Савельевича Мельникова наполнена разными событиями. Одно из них произвело на него огромное впечатление. Прошло много лет, а он вспоминает его в мельчайших подробностях.

В ночь на 10 апреля 1916 г. Мельников был назначен в полевой караул. На небе было пасмурно, тучи спускались низко. Не успели дойти до сторожевого охранения, как пошел сильный дождь, настала абсолютная темнота, так что идти не было возможности. Путь длился около часа. Полевой караул состоял из семи человек. Дул сильный порывистый ветер,

шел проливной дождь, шумел высокий бурьян. Часовой зорко всматривался вперед, чутко прислушивался к каждому новому стуку и шороху. Около 12 часов ночи Мельников услышал подозрительный шорох. Держа оружие в боевой готовности, они прислушивались к шуму в высокой траве, который то приближался, то удалялся. На вопрос: «Кто идет?» – отозвался какой-то писклявый непонятный голосок.

«Нас берет сомнение, что это такое? Мы даем вторичный отзыв. Нам отвечает тот же пискливый голосок. Мы решили подпустить поближе, не дав выстрела, чтобы не поднять тревогу. Шорох повернул на нас. Мы, ожидая, зорко всматривались вперед, в 10 шагах показался маленький человек. Других шорохов ни вправо, ни влево не было. Мы решаем подпустить вплотную к себе. Чем ближе, тем нам явственней видно, что это не противник, а что-то иное. Вместе с шорохом нам стало слышно детские звуки и трясение от холода и дождя. Предмет подошел вплотную к нам и мы увидели, что это человек не более десяти лет».

Через час «этот предмет», который оказался маленькой девочкой, сидел, переодетый в сухие солдатские рубашки, и жевал хлеб. «Больше дат девочки было нечего». Солдаты отдали ей свои скромные порции хлеба. «Для спасения ее жизни мы отдали всё, что только могли». Солдаты сами голодали, питались травой. Накануне им раздали долгожданный хлеб – кусочки по 320 г.

В любом возрасте человек понимает, что если люди с ним делятся последним куском хлеба, то они ему точно не враги. И девочка, около десяти лет от роду, поняла это: «Она сидела среди чужих людей, но они ей повидемому были очень милы».

Автор пишет, что девочка сидела среди чужих людей. Когда русские осаждали город, народ из города бежал. Девочка, потеряв отца и мать, бродила, вероятно, не одни сутки. Утром ее доставили в роту к ротному командиру поручику Петрову и батальонному командиру капитану Орловскому. Через переводчика узнали, что зовут ее Сара. Происхождения айсорского. Ее семья жила в городе Эрзеруме. Солдаты и начальство были рады девочке. Для них она была воспоминанием о мирной жизни и своих родных. Днем ее лучше одели, дали продуктов, какие были. В этот же день доложили начальнику боевого участка генералу Потто. Он велел доставить ее в город Тифлис.

История о девочке Саре, которую русские солдаты нашли возле своего лагеря, больше всего тронула нас в воспоминаниях.

Лучше один раз увидеть, потом услышать и прочитать, и еще раз увидеть

Во время Первой мировой войны в российской армии большое значение придавалось недавно созданным подразделениям связи, которые занимались налаживанием телефонных и телеграфных линий. Телеграфная рота русского корпуса имела 16 телеграфных станций, 40 полевых телефонных аппаратов, 106 км телеграфного и 110 км телефонного провода.

Судя по тексту «Воспоминаний», Капитон Савельевич Мельников служил в телеграфном отделении инженерной роты пехотной дивизии.

Самыми распространенными средствами связи в Первую мировую войну оставались телефон, телеграф и гелиограф. Телефонная связь помогала артиллерии скорректировать данные для стрельбы. По телеграфу обычно передавали приказы из штабов. Если первые два понятны, то гелиограф (по-гречески «пишу солнцем») – странная штука. Он применялся в армиях мира до середины XX века. На наш взгляд из XXI века, прибор очень даже несерьезный и ненадежный.

Каждый из нас не раз встречался с «солнечными зайчиками». Любимая детская игра: поймав солнечный луч зеркальцем, навести «зайчика» на какой-то объект. Если из игры сделать систему, то получится передача световых сигналов на расстоянии, то есть гелиограф.

В основе прибора – условные знаки и вспышки, полученные отражением солнечного света при помощи зеркала. Круглое зеркало устанавливают в рамке на треножник; поймав «зайчика», наводят на принимающий объект. Световые сигналы могут передаваться в солнечную погоду на большие расстояния – до 50 км. Если приборы устанавливались на возвышенности, в горах – видимость была около 200 км. Правда, есть один, но очень большой минус. Что делать, как передавать сведения, если пасмурно, идет дождь и солнца на небе не видно? На этом связь прерывается, ждем хорошей солнечной погоды. В игре можно подождать, а каков выход на войне?

Мельников рассказывает, как группе связистов было приказано выйти с телеграфом на гору недалеко от селения Сир и связаться с уходящими отрядами. Так как было пасмурно, то установить связь не удалось. «Мы остались без дела». При световой передаче использовали коды азбуки Морзе: точка – тире – точка, короткий – длинный – короткий.

Азбука Морзе широко применялась в армейской связи. Работать с ней было сложно, поэтому обучение связистов длилось почти год. Выучить все коды «морзянки» и не ошибиться было под силу не каждому. Для связиста были важны хорошая память, старание и терпение, чтобы не ошибиться при передаче сигналов. Мельникову было интересно учиться на таких курсах, и он успешно сдал экзамены 1 августа 1912 года. Он был не просто хорошим солдатом, а еще старательным, с крепкой памятью связистом. На службе в частях связи он был отмечен командованием.

За отличия в боях Капитон Савельевич Мельников был награжден медалью 4-й степени. В воспоминаниях Капитона Савельевича Мельникова нет и намека на самолюбование, хвастовство. Не называет точно награду, возможно, потому, что считает ее общеизвестной. Анализируя дополнительные источники, мы пришли к выводу, что это медаль «За храбрость», которой награждали солдат и унтер-офицеров за мужество и храбрость в бою.

3 марта до их части дошла телеграмма об отречении Николая Второго. 9 марта полк присягнул Временному правительству. Смену государственного строя встретили все в полку с радостью. Ждали новых распоряжений. На митингах говорили, что войну нужно довести до победного конца, при этом воевать никто не хотел. Военное начальство старалось перебраться подальше в тыл. В ротах остались одни прапорщики. Солдаты, отправляясь в отпуск домой, и не возвращались в часть – дезертировали. Новые сформированные части до фронт не доходили, разбегались по дороге. Известны случаи, когда «в части приходили одни списки». Мельников заключает: «Дисциплина слабела, линия фронта обессиливалась».

В апреле 1917-го Мельников заболел цингой. Причинами болезни автор называет плохое питание и тяжелую солдатскую жизнь. Капитон Савельевич был в результате признан негодным к воинской службе и отправлен домой на 49 дней. Все солдаты, которых не отправили, надеясь, что болезнь пройдет, остались на местном кладбище.

Капитон Савельевич, получив документы, отправился в дальний путь. Где пешком с трудом, где на подводе. Он преодолел около 400 верст, пока добрался до Гасан-Калы. На «кукушке» – так называли узкоколейную железную дорогу – доехал до Саракамыша.

Проехав дальше в тыл, Капитон Савельевич везде встречал много праздного народа. Увидев мирную жизнь, Мельников возмущен, что люди не знают войны. «В городах везде были переполнены людьми различные пивные заведения. Люди были не истощенные. Даже не чувствовали той тяжести войны, которая длилась уже три года». На возвращающихся с фронта худых, загорелых и грязных солдат мало обращалось внимания. А ведь они защитники отечества и тех людей, которые сидели в ресторанах, «роскошничали и кричали, что войну нужно довести до победного конца. Такой взгляд на фронтовиков ложился глубоким впечатлением на их сердца. Ведь на фронте нет вдоволь хлеба и других питательных продуктов, здесь в тылу всего большое обилие».

Так вели себя многие люди в тылу, для них война была где-то далеко.

12 апреля 1917 Мельников приезжает домой на месяц в отпуск. Отдохнув, он возвращается в часть. Капитон отмечает, что в полку хорошая дисциплина. В конце августа 264-й Георгиевский полк отправляют в Персию. Но тех, кто прослужил три года со дня мобилизации, уволили в тыл в город Пятигорск в 113 запасной полк. В контрольную роту полка при станции Торговая попал и Мельников. Однако служить ему пришлось недолго.

Утром 16 января 1918 года роту разоружили большевики, отобрали винтовки. Получив на руки документы в штабе полка в Пятигорске, фронтовики разъехались по домам. «Дорога была уже затруднительна»: поезда не ходили, шли бои с большевиками. «28 января 1918 года я прибыл в хутор Керчинский Области Войска Донского».

Дома было беспокойно. На угрозы и призыв волостного правления идти немедленно защищать Донское войско Мельников ответил: «Добровольно не пойду». Навоевался уже Капитон Савельевич. Тогда казачья власть конфисковала его армейскую форму – шинель и ботинки.

Так закончилась для Капитона Савельевича Мельникова Первая мировая война.

Война – жесточе нету слова. Война народам не нужна

Мы долго искали название для нашей работы. И случайно на сайте «Герои 1914 года» прочитали стихотворение, которое созвучно нашему источнику. Имя автора нам показалось знакомым. Открыли «поиск» – да, точно, известный писатель, автор книг детства «Цветик-семицветик» и «Сын полка». Валентин Петрович Катаев (1897–1986) сражался на фронтах Первой мировой, был дважды ранен, произведен в чин подпоручика, награжден орденами Святой Анны и двумя Георгиевскими крестами. Его стихотворение «Письмо» написано в 1916 году на Восточном фронте:

Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,
Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.
Мне было странно, что война,
Что каждый миг – возможность смерти,
Когда на свете – ты одна
И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Капитон Савельевич Мельников идет по дорогам Кавказского фронта и тоже видит «обозы, кухни на дороге, патрули, пушки, лошадей, пни, телефонный шнур на елях...» Для него «каждый миг – возможность смерти».

Но уроков Первой мировой хватило ненадолго. Вторая мировая была еще более масштабной и более жестокой.

«Что захочется, то и напишу...» (Дневник мальчика из «бывших»)

Дария Гизатуллина

г. Троицк, Челябинская область

В 10-е годы XX века семья Степановых была одной из самых влиятельных в Троицке; они владели заводом, загородным имением, одним из лучших особняков города. Степановы приобрели автомобиль марки «Делонебельвиль 45» французского производства. Петр Евдокимович имел звание Личного почетного гражданина, был председателем Троицкого вольнопожарного общества, президентом Троицкого общества любителей конского бега, почетным блюстителем 2-го Приходского училища, был избран гласным Оренбургского губернского земского собрания от города Троицка. В годы Первой мировой войны был членом Военно-промышленного комитета, а с мая 1916 года – его представителем в Уральском областном военно-промышленном комитете. Участвовал в торжественной встрече А. В. Колчака, приехавшего в Троицк 15 февраля 1919 года. Летом 1919 года, после начала отступления колчаковцев, он покинул город с женой и младшими детьми, но смог добраться только до Красноярска. К тому времени город уже заняла Красная армия, и Степановым пришлось вернуться в Троицк. В связи с тем, что их особняк национализировала новая власть, они были вынуждены жить в доме Гладких, а затем на съемных квартирах. Петр Евдокимович работал помощником бухгалтера (кассиром) в уездном финансовом управлении. Его жена, Софья Васильевна, – швеей в театральной мастерской. П. Е. Степанов умер в Троицке 13 мая 1926 года.

Автор

Автором дневниковых записей, о которых пойдет речь, является мальчик Гера (Герман), младший сын купца Петра Евдокимовича Степанова и Софьи Васильевны Лавровской, родившийся в Троицке 18 июля 1913 года. По окончании школы Герман работал чертежником в стройчасти Маслосоюза. Учился в Казанском институте инженеров коммунального строительства. С августа 1940 по август 1953 года работал в тресте «Красноярскстрой» (начал в должности прораба, закончил главным инженером треста, и. о. управляющего). С августа 1953 по август 1959 года работал доцентом Кемеровского горного института, заведовал кафедрой. Был депутатом Кемеровского городского Совета. В августе 1959 года с семьей переехал в Сталинград (с 1961 года – Волгоград), где работал доцентом Волгоградского инженерно-строительного института до 1985 года. Скончался 3 октября 1992 года и похоронен в Волгограде.

Дневник

Дневник представляет собой две книжечки, сшитые из сложенных вдвое обычных тетрадных листков в линейку. У современных школьников такие тетради называются «по русскому языку». Это связано, скорее всего, с тем, что после Гражданской войны в России царил разруха и найти блокнот или ежедневник фабричного производства было невозможно. Вообще-то я думаю, что идея дневника возникла у его мамы позже – вначале это был альбом для рисования, вернее, для перерисовывания книжных иллюстраций: *«Я очень люблю рисовать и сшил себе книжечку и под наблюдением мамы начал рисовать. Я рисую из*

книжечек те картинки, которые мне понравятся. Это очень интересно». Позже, через пять лет, будет заметно, уже по самостоятельным рисункам – как окрепла рука. Так как листки сгибали по ширине, получилось, что горизонтальные голубые линии, нанесенные на фабрике, стали вертикальными. Но попадаются и нелинованные страницы, наверное, в ход шли чистые листы из старых запасов писчей бумаги. Чтобы мальчику было удобно писать, страницы разлинованы карандашом. Сохранность документа хорошая, если учитывать, что прошло столько времени и дневники, видимо, неоднократно перечитывали и перелистывали. Тетрадей было больше, так как в самом начале говорится, что первая тетрадь была потеряна. Сохранившиеся записи охватывают период с ранней весны 1922-го до весны 1925 года.

Записи, приводимые в качестве примера, я оставила без изменений и исправлений. Ясно, что ученик начальной школы не может писать без ошибок, и мне кажется, что неисправленный текст лучше передает возраст автора.

О чем записи? Вот как отвечает сам девятилетний автор: *«Темы для записок в дневник я придумываю сам, а потом показываю маме – ладно или нет, я написал. Иногда она меня хвалит, а иногда говорит, что этого бы не следовало писать и очень удивляется, что Таисия Петровна пишет “хорошо”» (19.09.1922).*

Мне эти записи интересны потому, что можно узнать, о чем думал в эти годы, на заре советской власти, юный школьник, сын бывшего миллионера-мукомола и поповны – дочери протоиерея городского собора.

Текст и комментарии

«Мои воспоминания

Я вспоминаю часто как жил на даче каждое лето. Как было тогда хорошо. Я целые дни проводил в саду: ловил бабочек, рвал цветы грибы, ягоды, строил под деревьями домики в которых я играл со своими двоюродными братом и сестрой. Было так хорошо и весело. Сколько там было цветов, особенно я любил мак и синие васильки» (без даты).

Только зная драматическую историю этой семьи, можно полностью понять эту запись. Перед нами свидетельство грандиозного социального переворота.

К сожалению, до сих пор не удалось установить, где располагалось это загородное имение Степановых. Именно имение, а не дача, так как там у них были пахотная земля, рабочий и товарный скот. Для поездок использовали не лошадей, а свой мощный (семиместный, 70 л. с.) автомобиль «Делонэ бельвиль 45». Части Красной армии вошли в Троицк в августе 1919 года, так что Герман мог проводить лето на даче только в 1914–1918 годах. Видимо, это было самое счастливое и безмятежное время, когда ребенок рос, окруженный всеобщей любовью и красотой. Память об этом времени грела душу Германа всю оставшуюся жизнь. Сохранившиеся фотографии подтверждают, что вся дача была в цветах, а небольшой фонтан был окружен клумбами. После конфискации советской властью всего имущества ни о каком отдыхе не могло идти и речи. Правда, в годы НЭПа Петр Евдокимович арендовал в четырех верстах от города заимку у знакомых казаков из Солодянки (станция Клястицкое), но исключительно для выращивания хлеба и картошки на собственные нужды.

«Мои думы

Теперь я часто думаю о том, что скоро Рождество, будет ёлка. Я начал клеить ёлочные украшения. Придумываю разные звёздочки, клоунов и прочее».

Непростая судьба выпала на долю рождественской елочки: в XX веке она не раз подвергалась «гонениям». Во время Первой мировой войны ее пытались упразднить как «немецкий обычай», а после революции запретили как буржуазный пережиток. В конце 20-х Рождество будет запрещено, по улицам пойдут молодые дозорные – не горит ли где елочка, не проводят ли «мракобесы» свое религиозное антисоветское торжество? А еще лет через

пять, в середине 30-х, елка, получившая название «новогодняя» и увенчанная пятиконечной звездой, станет обязательным делом в патриотическом воспитании советских детей. Все это впереди, а пока Герману никто не мешает клеить игрушки (в магазинах их уже не продают) и спокойно готовиться к празднику.

Записи в самом начале дневника говорят о детских проблемах, которыми живет ребенок, причем записи, по-моему, сделаны под контролем, а то и под диктовку матери: «Моя оплошность» – о том, как Гера, идя в школу, попал под лошадь; «Что я слышал» – о том, чем занимался в школе; «Что я видел» – как растут и изменяются домашние цветы и рассада на подоконниках. Видно, что Гера любит не только растения, но и животных; все его детство проходит в окружении кошечек, собачек, а летом еще и всяких букашек. В заметке «Мои печали» он пишет о грядущем закрытии школы (видимо, школа была маленькая, может быть, частная, фактически один класс, который набирала учительница). Здесь уже врывается большой мир, мир взрослых с их преобразованиями в школьной сфере и т. п. Но и дальше Гера пишет о проблемах своих аквариумных рыбок, о том, что из-за холодов мама не пускает его в школу. Природная доброта его видна в переживаниях о том, что рыбка гольян выпрыгнет из банки на пол и погибнет.

У мальчика добродушный нрав, ему нравится в школе, видимо, повезло с учителем. Для Германа горе, когда он болеет и не может посещать свою «любимую школку». И когда Таисия Петровна сообщила, что «школку» закроют. Когда болеет, то пьет чай с медом и хиной (это, как я понимаю, популярное лекарство тех лет). 10 марта 1922 года в дневнике бытовая зарисовка – как Гера ходил с няней вытаскивать из колодца ведро. В колодце их оказалось четыре штуки, три ведра вытащили, одно осталось на дне. Любопытно, в те времена уделялось много времени тому, чтобы сходить к колодцу за водой, к проруби – полоскать белье, топить печь, чтобы не замерзнуть.

«17 марта. Второго дня меня мамуся не пускает в школку по случаю того, что на улице очень плохая погода, сильный буря и такой ветер, что с ног сшибает. Мне хоть и очень неприятно, но мамусю приходится слушать. Я ее уже несколько раз пробовал упрашивать, но она не отпускала».

И тут же, видимо, навеянная холодами запись в дневнике:

«Жуткие воспоминания

Почти три года прошло, как мы уехали из Омска, а я до сих пор с ужасом вспоминаю об этом. Ехали мы зимой, в холодном вагоне, три недели до Челябинска. На каждой станции было много трупов и больных».

Наступление Красной армии на Омск началось 4 ноября, после окончания успешной для нее [Петропавловской операции](#). 10 ноября ударил сильный мороз. Иртыш замерз, и стала возможна переправа. 13 ноября А. В. Колчак вместе с золотым запасом бежал на восток. 15 ноября красные части без боя заняли город. Белые отступили к [Новониколаевску](#) (с 1926 года – Новосибирск) и [Томску](#). Как считают родственники Степановых, их «семья действительно выехала из Троицка перед взятием города Красной Армией (в начале августа 1919-го. – Д. Г.), но из-за ужасных транспортных условий добиралась до Челябинска три недели. Герман Петрович, сын Петра Евдокимовича, вспоминал, что на каком-то отрезке пути они ехали на какой-то подводе, по бездорожью, ориентируясь на местности по телеграфным столбам, с какого-то момента – на поезде. Добрались они до Омска, где уже стояли красные (обогнавшие их). После они вернулись в Троицк, где все их имущество было конфисковано». И в этой связи я хочу привести одну из первых записей дневника:

«Мой сон

Сегодня я ночью видел во сне, что я еду в поезде, кругом тесно, жарко. Поезд остановили в степи какие-то бродяги. Я испугался и стал кричать, а голоса у меня нет и в то

время я проснулся. Долго я не мог прийти в себя, всё думал, что ещё в поезде один, но увидел, что папа с мамой со мной и успокоился, завернулся в одеялко и крепко снова заснул».

Наверное, в этом кошмаре отразились самые страшные события в короткой жизни Германа. Обратный путь домой у семьи занял почти месяц – это был ноябрь, когда уже начались зимние холода. Все подходящие здания возле железнодорожного полотна Транссиба были забиты людьми. Беженцы, пытавшиеся убежать от наступающей Красной армии, десятки тысяч брошенных раненых, обмороженных и больных тифом солдат. И еще, гражданская война страшна не столько классовым противостоянием, сколько тем, что в прифронтовой полосе исчезает любая власть, любой порядок. Обыватель боялся не столько белых или красных, сколько того, что не будет ни тех, ни других, и маленькому человеку будет не к кому обратиться за защитой и спасением. В России, в условиях анархии и разрухи, развелось много полууголовных и просто уголовных банд, возможной встречи с которыми так опасались попутчики Степановых. Видимо, их вагонные разговоры и стали основой ночных страхов Геры.

«Мое говение

На четвертой неделе я говел. Последних два дня я не ходил в школку, так как эти два дня исповедовался и приобщался. Вместе со мной говел и Володя Ежов. В церковь я ходил с мамой, которая тоже говела. Народу в церкви было очень много. И когда стали приобщаться, то я подошел к батюшке и сказал свое имя. Он меня приобщил».

Здесь Герман говорит, видимо, о четвертой неделе Великого поста, когда мальчик готовился – говел (постился) перед Причащением. Делал это он не только с близкими, но и со сверстниками. Еще не наступила эпоха повального атеизма, когда, кроме бабушек, в храм уже никто не ходил, а все дети сплошняком были в пионерах.

Для Геры события из церковного календаря были, прежде всего, праздниками, с угощениями и подарками:

«Приготовление к празднику

Уже приближается к нам великий праздник “Пасха”. Всё короче и короче остается время до неё, всего каких-то 4 дня и запоем “Христос Воскресе!”. Какие торжественные эти слова, как будто оживляют и проникают в глубину сердца эти слова! А сколько приготовлений к этому празднику, сколько труда затрачено в каждом доме, чтобы привести всё в порядок».

А для взрослых, возможно, это была ностальгия по старому времени и, наверное, акт сопротивления новой власти. Но вернемся к дневнику. Герман продолжает:

«11.09.1922. Моё любимое чтение.

Я очень люблю читать “Дневник Мурзилки” и “Чёрный друг”. Эти оба рассказа мне читает мама, когда я болен, а когда здоров, то читаю сам. “Дневник Мурзилки” очень смешной и забавный, а рассказ “Чёрный друг” очень интересный, захватывающий и местами жуткий. Я удивляюсь, что такой маленький мальчик, как Пипо и такой находчивый, храбрый и добрый. Этот рассказ находится в “Задушевном слове”, жаль, что ½ потеряно».

Я всю жизнь думала, что «Мурзилка» – это название детского журнала, пусть самого старого (как говорил папа), но советского детского журнала. Оказывается, что Мурзилка – герой дореволюционных сказочных повестей писательницы Анны Борисовны Хвальсон, вышедших еще с 1887 года. Героями этих рассказов являлись лесные карлики-эльфы (!), среди которых не только Мурзилка, но и Чумилка-Ведун, Заячья Губа, Дедко-Бородач, доктор Мазь-Перемаз и даже Знайка, Незнайка и их друзья. Главное потрясение было не в том, что любимые коротышки совсем не из Цветочного города, а то, что они появились после того, как А. Б. Хвальсон творчески использовала идею автора американских комиксов Палмера Кокса (1840–1924). Этот художник выпустил множество книжечек о приключениях

своих героев – маленьких человечков. Если честно – после того как я узнала об этом, появилось ощущение, как в детстве, когда понимаешь, что взрослые тебя обманывают...

И еще немного о любимых занятиях девятилетнего Геры:

«15.11.1922. Мой лучший друг

Когда мне было два года, мама привезла из Екатеринбурга мишку, с тех пор и стал он моим лучшим другом. Я никогда не расставался с ним, всегда возил с собой и теперь играю и сплю с ним. Раньше у меня было очень много разных игрушек, а теперь остался один мишка. Мне очень интересно знать, кто теперь играет моими игрушками и спит на моей кровати».

Ребенок явно скучает по своим игрушкам, но как деликатно он об этом говорит! И еще – маленький Гера, интуитивно или по просьбе своей мамы, обходит конкретности. «Раньше» – это когда? При проклятом царизме? «Мишка» – это, видимо, легендарный «медвежонок Тедди», придуманный в Америке в начале XX века. В России игрушечные плюшевые мишки появились лет за пять до рождения Геры и были, по воспоминаниям, редкой и дорогой новинкой. Показательно, что только его и сохранил мальчик во всех своих приключениях на просторах России.

«11.11.1922. Мое любимое занятие

Я очень люблю играть на рояле и разучил много пьесок, например: ласточка, во саду ли в огороде...

13.11.1922. Чистка рояля

В воскресенье к нам приходил мастер, который чистил рояль. Мне было очень интересно смотреть как его разбирали. Сколько в нем разных винтиков, а сколько семечек набросали туда товарищи, пока он был у них, так и сказать невозможно. Я старался помогать ему, но меня папа не отпускал.

Мой стол

Вчера к нам привезли мамин письменный стол, она уже давно говорила, что если выхлопочем его, то она отдаст мне, чтобы я мог всё своё имущество поместить в нём. Теперь он уже стоит у меня в комнате. Прежде всё моё имущество находилось в маминском маленьком шкафике, а теперь всё-таки есть местечко, где можно положить всё. Но в каком испорченном виде его привезли, вся ореховая наклейка отстала и весь бархат залит чернилами. Но, это всё ничего...»

Увидев эти записи, я даже растерялась вначале: откуда у «бывших», постоянно меняющих временные квартиры, у которых всё имущество было конфисковано, и вдруг рояль? Лишь «появление» письменного столика Софьи Васильевны всё объяснило. Конец 1922 года. Всё дальше в прошлое уходят ужасы войны и военного коммунизма. У новой власти можно выпросить кое-что свое, бывшее и пришедшее в негодность, как, например, столик. Победителям стола (который сотрудниками многочисленных учреждений весь перепачкан чернилами) было не жалко – скоро весь мир будет у них. Видимо, примерно так же был «выхлопотан» рояль, который после «товарищей» пришлось разбирать, ремонтировать и настраивать. Непонятно, куда смотрела мамина «цензура», ведь столько оскорбительной иронии, сарказма в слове «товарищи». (А может, тогда все так и выражались, как персонажи книги «Собачье сердце»?) Всего три года был в их распоряжении семейный рояль Степановых, но успел весь забиться шелухой, пеплом и папиросными окурками, которые «товарищи» прятали между клавишами. А теперь представьте, что вместо дорогого, прекрасно звучащего рояля или изящного письменного столика, в руки «товарищей» попала огромная богатейшая страна с какой-никакой, но все-таки работающей экономикой.

«18.11.1922. Мои мысли

Я считал время по-старому стилю, потому что праздники все празднуются по старому стилю, но я вижу, что это Таисии Петровне не нравится, то я буду писать по новому стилю».

Мне кажется, что Таисия Петровна была недовольна тем, что Гера продолжал пользоваться юлианским календарем, старым счетом времени, потому что ее могли наказать за саботаж мероприятий советской власти, а то и за пропаганду старого режима. То есть Гера, в отличие от неграмотных бабок, сознательно противопоставлял себя коммунистической власти и ее попыткам покорить не только пространство, но и время. В России (на территории, находившейся под контролем Советов) григорианский календарь был введен декретом [Совнаркома](#) от 26 января 1918 года, согласно которому после 31 января 1918 года следовало 14 февраля. А вот Временное Сибирское правительство, которому с лета того же года стало подчиняться Зауралье, ввело новый стиль декретом от 31 августа 1918 года, постановив считать день 1 октября 1918 года днем 14 октября.

«3.01.1923 г. Приезд Шуры

Третьего дня наконец-то приехал долгожданный мой брат Шура. Когда он приехал, то было 1 ночи. Все, конечно, сейчас же проснулись повскакали с кроватей. Так как я очень крепко спал, то, конечно, не слышал стука. Потом меня разбудил Шура своими поцелуями. Мы сидели до четырёх часов утра. Он нам рассказывал о своей жизни. Оказывается, что он сидел 4 суток в Кинели, когда ехал к нам (где ему была пересадка) и с трудом попал в поезд. Из Полетаево он в товарном поезде. Долго мы с ним разговаривали, но никак не могли наговориться».

Речь идет об Александре – родном брате Германа, который был старше его на восемь лет и оставался, наверное, его самым близким другом.

«09.1923. Моя потеря

Три недели назад, уехал мой брат Шура в Оренбург учиться. Я очень плакал, когда провожал его и теперь очень скучаю о нём. Я раньше с ним никогда не расставался и теперь, как будто чего-то недостает, его отсутствие для меня большая потеря. Каждую почту я жду с нетерпением – нет ли от него писем, но пока ещё не получил».

В сентябре 1922 г. Александр уехал в Оренбург на учебу и вот – вернулся на каникулы. Кинель – это железнодорожная станция в Самарской области. Тогда еще не начала функционировать прямая линия Троицк – Оренбург, поэтому, чтобы попасть из Оренбурга в Троицк, надо было ехать на запад, до Кинели, и лишь оттуда, через Уфу и Челябинск, доехать до Троицка. Полетаево – разъезд Транссиба, через который поезда из Челябинска ходили до Троицка. В общем, путешествие даже по железной дороге в те годы было трудным приключением. Так дневниковые записи помогают понять многие краеведческие проблемы.

«Разрушенная каланча

Сегодня я смотрю в окошко на каланчу, которая десятки лет стояла и приносила человеку какую-то пользу, а сегодня её ломают. Бедная каланча! Живя 3 года на этой квартире я так привык к её звукам, что мне положительно теперь не хватает их. Пишу, а сам смотрю в окно, как её разрушают, и мне жаль, жаль её».

В 1883 году в городе появился окружной суд. Для такого учреждения потребовалось и соответствующее здание. Отцы города, троицкие купцы, в целях экономии решили использовать под него недавно возведенное двухэтажное здание пожарного депо. Рядом с судом разместили пожарную часть № 2 и возвели сарай для пожарного обоза. А между сараем и зданием окружного суда воздвигли деревянную каланчу. Она была, конечно, не такая капитальная, как в соседнем Кустанае, но немаленькая. Ее очертания видны на сохранившемся фото, слева от здания окружного суда. Теперь, благодаря Герману Степанову, мы знаем, когда каланча закончила свое существование.

В 10 лет Герман пошел в 4-й класс новой школы:

«Новая школа

10 сентября 1923 г. я поступил в новую школу, где был принят в 4-е отделение. Нас в классе 36 человек. Окна нашего класса выходят на юг и солнце светит всё время, пока мы занимаемся, а потому там очень светло и весело. Учиться мне очень нравится, но, к сожалению, я заболел и пропустил целую неделю».

А через год он перешел в среднюю школу:

«23.09.1924 г. 2-я ст. 1-я гр. А

Вот уже я учусь и во второй ступени. Четыре дня я уже посещаю школу, и за это время мы уже два раза ходили на экскурсию. На одну экскурсию я не ходил, потому что недавно был болен, а на вторую ходил. Завтра мы пойдем ещё на экскурсию. Все три раза мы ходили и пойдем в Солодянку; третий раз мы ходили для того, что бы исследовать дом бедняка, середняка, зажиточного крестьянина, школу, сыроварню и т. д.».

До Солодянки несколько километров, пешая ходьба отнимала много времени, но тогда вот так приближали теорию к практике, школу к производству.

«1.10.1924. Мамины именины

Вчера моя мама была именинница. Вечером собралось много гостей, которые сели играть в карты. Мне это было неинтересно, и я лег спать. Проспав до часу я проснулся от музыки и пения. Я не мог никак уснуть до трех часов, т. к. гости плясали и играли всяко. Больше всего мне понравился “какаду”, которого изображал Василий Михайлович, а вожатым Павел Михайлович. Наконец гости разошлись. Домашние сели пить чай, а я как убитый уснул».

Это была 41-я годовщина со дня рождения Софьи Васильевны. Данный эпизод интересен тем, что приоткрывает, как люди того времени проводили свои семейные праздники. Впрочем, дневник описывает и обычные, будничные дела семьи Степановых. Они (как и их соотечественники) занимались заготовкой продовольствия. По рассказам моих родственников, несколько поколений советских горожан ежегодно занимались – на специально выделенных государством землях – выращиванием овощей для себя и (некоторые) на продажу. Причем происходило это организованно, на уборку урожая выезжали целыми коллективами, предприятия даже помогали в этом транспортом. Но начиналась эта традиция в голодные 20-е годы.

«2.10.1924. Сбор картофеля

Сегодня у нас ездили рыть картошку. Уехали они в восемь часов утра, а мой брат хотел приехать с первым возом в час и, потом взять туда меня. Но, когда он приехал, то мама меня не пустила, т. к. всю ночь кашлял...

Картошка у нас была посажена у казаков солодянских Кузнецовых, их заимка за четыре версты от города. Местность у них очень красивая».

Солодянка – неофициальное название пос. Клястицкое, бывшего казачьего хутора, недалеко от Троицка.

Я хотела бы сделать еще одно небольшое замечание: в наших краях говорят не «рыть», а «копать» картошку; по мнению филологов, для речи южноуральцев характерно частое использование слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом, старшее поколение говорило: мне один *билетик*, у вас нет в продаже *хлебушка*, ты не хочешь *молочка*... Для речи Геры также характерно использование таких суффиксов. Я думаю, это влияние местного разговорного языка, а также наследие детской «сюсюкающей» речи, с обилием таких выражений; ну, еще сказывается и сам характер мальчика, по-детски добрый и открытый. 9 октября 1924 года мальчик сообщает: «...пришлось рисовать корку на журнал «Школьная жизнь». В наше время сказали бы: «рисовать обложку». Кроме того, в записи от 15 ноября 1924 года Гера пишет, что его мама «открыла электричество»; сейчас говорят «включила» свет или освещение. Я расспрашивала об этом учителей и других взрослых, лишь папа сказал, что до

электричества для освещения в городах широко использовался так называемый светильный или калильный газ, который как раз «открывали» и «закрывали». Говорят, что фикусы получили такое распространение в конце XIX века, потому что только они и могли выживать в угарной, душной атмосфере комнат того времени.

Описанные слова – это всё диалектные и устаревшие выражения. Благодаря дневнику узнаешь о многих вышедших из обихода, из жизни вещах. Это не только слова, а вообще явления, чисто бытовые проблемы людей. Так, 7 октября 1924 года Гера описывает, как травили «клопиков». Борьба с паразитами в годы войн (и Гражданской и Отечественной) была необходимой частью жизни людей. Стоит мылу и горячей воде стать дефицитом, как людей одолевают блохи, вши и прочие паразиты. Об этом тоже пишет Герман, только у него, как у человека с доброй, впечатлительной душой, свои впечатления, переживания, свое видение ситуации. Мог ли человек с такой сострадательной душой спокойно-равнодушно прожить сталинские десятилетия?

«Ужасная пытка

У нас появилось много мышей, и мы взяли у хозяев кошку, которая в ночь переловила без счету мышей. Когда я пил утренний чай, то кошка, то есть котенок, притащил откуда-то мышку и стал с ней играть, то его отпустит и снова поймает. Это была ужасная пытка. Я живо представил себе человека в когтях тигра, играющего как кошка с мышкой. Какую боль, воображаю, испытывала мышка, когда кошка хватала ее когтями, наверное очень сильно».

Людей одолевали не только паразиты и грызуны. Простые обыватели страдали и от преступности, активно разросшейся в годы революции.

«15-го октября. 9-го на 10-е у нас были воры и украли сундук...» Интересно, что после ухода сотрудников милиции Гера смог сам выяснить – как воры смогли открыть дверь в сени, запертую изнутри.

Но главная проблема людей того времени, как я поняла, – холод. Холод не только на улице, но и в помещениях, мальчик постоянно об этом говорит. 9 октября 1924 года Герман пишет, как было холодно в той же в школе. Но, несмотря на это, жизнь продолжалась:

«16.10.1924. Опера “Русалка”

Вчера к восьми часам вечера я с мамой и братом пошёл на оперу. Эта опера ставилась в Марсе. Я первый раз в жизни ходил на оперу. Я с большим удовольствием слушал эту оперу, и она мне очень понравилась. Больше всего мне понравилось, как играл и пел мельник. У меня даже мурашки забегали, когда мельник выскочил в виде ворона. Мне также понравилась дочь его Наташа, она также хорошо играла. В общем, хотя много пропустили, спектакль мне очень понравился».

Добавлю, что «Марс» – название троицкого кинотеатра, одного из старейших, открытого еще в 1910 году. После капитального ремонта в 1947 году он был переименован в Кинотеатр им. 30-летия ВЛКСМ. «Русалка» – это опера русского композитора [А. С. Даргомыжского](#), написанная в 40-е–50-е годы XIX века, по [неоконченной драме](#) Пушкина. В ее основе легенда об обманутой девушке, превращенной в русалку и мстящей своему обидчику. Я бы не смогла расшифровать эту запись, если бы не случайность. Позапрошлой зимой в Троицк из Екатеринбурга приехала Тамара Петровна Флягина. Ее прадед – Андрей Андреевич Князевский – до революции был протоиереем местной церкви Святого Александра Невского и законоучителем 5-го приходского училища (Амурского). Сын чиновника и бывший студент Варшавского ветеринарного института, был рукоположен в священники в 1905 году. В сентябре 1925 года в соборе Святой Троицы проходил съезд обновленческого духовенства и мирян. Известно, что Князевский принимал в нем участие в качестве делегата от прихода городского собора. К этому же году относятся семейные фотографии, привезенные Тамарой Петровной из Екатеринбурга. Среди них обнаружился и снимок, на котором Людмила

Князевская, дочь А. А. Князевского и бабушка Т. П. Флягиной, изображена среди участников театральной самодеятельности. Каково же было мое удивление, когда на этом фото в руках руководителя кружка я увидела клавир «Русалки». Участники именно этого кружка ставили оперу, которой полгода раньше восхищался Герман! «Русалка» – не единственная постановка этого коллектива; Герман пишет, что 17 октября был на опере «Фауст».

И еще одно краеведческое открытие позволили сделать дневниковые записи: считалось, что женская гимназия в городе была закрыта сразу после революции или после освобождения Троицка от белых, то есть около 1920 года, и заменена единой трудовой школой II ступени. В записи за 20 октября 1924 года Герман пишет, что опоздал в школу из-за забытого пенала. *«Когда я потом пришел в гимназию, разделся, то на лестнице ведущей на верх, меня встретила Глафира Александровна, и я получил от нее выговор которого и боялся...»* Получается, что на восьмом году советской власти в Троицке еще работала гимназия (только в ней учились и мальчики). Свидетельство Геры подтверждают снимки Л. Князевской, которая в том же 1924 году закончила гимназию.

Ну, а Герман приступил к получению среднего образования, уже советского. Какие мальчика из «бывших» ожидали испытания на этом пути, мы не знаем, хотя, может быть, когда-нибудь найдутся и эти дневники...

* * *

Мы познакомились с детским дневником, который вел Герман Степанов. Это не совсем личный дневник, так как, по моему мнению, его могли читать родственники, прежде всего, мама (она и была инициатором, да и главным читателем), и он носил характер учебный, образовательный. Дневниковые записи сохранились с 1922-го по 1925 год, то есть с 9 до 12 лет. Дневник не велся интимно, тайно и не содержал никаких секретов (может, мальчики вообще не умеют вести такие дневники). Но даже записи такой формы отражали жизнь, которую вел их автор, и события, которые волновали мальчика. Автор записей сам по себе очень интересен – последний (видимо, самый любимый) ребенок Петра Евдокимовича Степанова – дореволюционного купца-миллионера, хлеботорговца и видного общественного деятеля региона. И мать – дочь, наверное, самого уважаемого и авторитетного в городе священника, получившего за заслуги, кроме орденов, еще и дворянство. Братья Софьи Васильевны стали интеллигентами, известными в крае врачами. Герману повезло с матерью, он рос не просто в достатке, а в любви, окруженный нежностью и добротой. Они, видимо, позже давали силы и стойкость в борьбе с жизненными невзгодами. Петр Евдокимович умер в 1926 году (наверное, к счастью; он не дожил до массовых репрессий, от которых погибнет его сын Александр – «Шура» в нашем источнике). Не мелькают в дневнике и другие родственники – бабушки, дедушки, тети, дяди. Может, казалось, что Гера – младший, поздний ребенок, а возможно, на упоминания о прошлом было наложено «табу», запрет, как на то, о чем не стоит разговаривать и писать при новом строе.

Мы попытались рассмотреть документ как источник, своеобразно отражающий непростую жизнь провинциального мальчика из «бывших». Герману, как видно из его дальнейшей биографии, удалось выучиться, стать инженером, работать и преподавать. Он умер через год после развала коммунистического режима.

«Не торопитесь сжигать»

*Татьяна Глазырина,
Елена Епанчинцева*
г. Екатеринбург

«Когда Бог призовет меня, останется чемодан Владиных писем, его и мой дневник, неизданная книга “По дорогам рабства и свободы”, статьи, фотографии. Не торопитесь сжигать.

Это не мусор – это две жизни, данные Богом и пройденные по земле. Может, их кто-нибудь когда-нибудь прочтет и задумается о своей жизни и судьбе – у каждого человека она разная».

Так написала Лидия Александровна Тхоржевская через год после смерти мужа и за месяц до своей (30 мая 1994 года).

Этот год был необходим ей, чтобы осмыслить прожитые годы и привести в порядок фотографии, письма, дневники.

Небольшая записочка лежала в старом сундучке-портфеле, с такими ходили учителя в 50-е годы, поверх нескольких пачек аккуратно разобранных по годам и пронумерованных писем и дневниковых тетрадок. В них уместилась биография двух людей: Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских.

Мы постарались рассмотреть судьбы наших героев, прочитали и распечатали дневники Владислава Тхоржевского, проследили по карте географию мест его жительства, изучили материалы о тех лагерях и городах, по которым скитался автор – герой повести.

Детство и юность Владислава Тхоржевского

Владислав Павлович Тхоржевский родился в Симбирске 13 августа 1916 года в семье польского горного техника Павла Людвиговича Тхоржевского и русской учительницы Александры Васильевны (урожденной Назаровой). До революции семья жила зажиточно. Об этом говорит послужной список Павла Людвиговича Тхоржевского и некоторые записи его сына («После смерти отца у семьи осталась бесценная библиотека, сваленная в угол сарая. Книги в позолоченных переплетах и без них, на многих языках мира»).

В апреле 1928 года Павел Людвигович зачислен на службу в Златоустовское земельное управление на должность старшего производителя работ, а 4 мая того же года скоропостижно скончался.

Владислав тяжело переживает потерю отца: «Папа у нас умер в прошлом году скоропостижно. Он был землемером. Наружность его такая: он был полный и красивый, волосы были курчавы. Я ученик 5 группы. Я очень похож на папу, тоже блондин, такой же сильный» (Дневник В. П., 20 августа 1929 г.). «Мне шёл двенадцатый год. Я плакал и думал, что это самое великое горе и что оно не изгладится до конца моей жизни, но возраст взял своё». (Дневник В. П., 8 февраля 1934 г).

Александра Васильевна с двумя детьми возвращается в Самару. На работу устраивается учителем в сельскую школу станционного поселка Кротовки под Самарой. Для Владислава 1929–1930 гг. – учеба с 5-го по 7-й класс Школы крестьянской молодёжи.

1931 год. «В школе у нас стала система работы бригадная. Меня выбрали председателем штаба бригад, то есть я организую самоуправление школой. Закрыт клуб, в нём помещаются лишенцы, которых отправляют на Соловки. К клубу не подпускают на три шага,

их полон клуб. Едут они с ребятами. Лай, гам, теснота кругом, суета, сундуки и спёртый воздух» (Дневник В. П., 13 марта 1931 г.).

«Лишенцы» на языке 1931 года – это раскулаченные крестьяне. В стране полным ходом идет коллективизация.

В 1931 году Владислав окончил краткосрочный курс горного ФЗУ в селе Ширяево Самарской области и, как отличник, был командирован для продолжения дальнейшего обучения в техникум.

Владислав живет отдельно от семьи в студенческом городке, в бывшем тюремном изоляторе, в котором размещалось их общежитие. Он серьезно готовится вступить в комсомол, читает брошюру А. Косарева, [первого секретаря ЦК ВЛКСМ](#) в 1929–1938 гг., «Задачи комсомола» и вдохновляется до такой степени, что не знает, «куда деть энергию, как ее передать в массы. Мне хотелось отдать все силы на великие цели, и поэтому ни одна глупая мысль не мелькнула в голове. Не поэтому ли я работал, не считая время и затрат, на общественной работе?». (Дневник В. П., 12 мая 1933 год)

Огромное впечатление производит на Владислава участие в митинге по случаю приезда в Самару председателя [СНК СССР](#) и [Совета Труда и Оборона](#) Вячеслава Михайловича Молотова.

«Я пошел слушать его речь, но никого не пускали, кругом стояла охрана, шли только по пропускам, я же сумел через двор дома Красной Армии пройти и встал под самую трибуну. Через полчаса вышел Молотов, его встретила буря аплодисментов. <...> Несмотря на то, что почти никто не знал о приезде Молотова, площадь и улицы были полны народом. А он стоял освещенный предвечерним светом и говорил. Каждый чувствовал вождя, руководителя, полководца, показывающего путь к победе...» (Дневник В. П., 15 мая 1933 г.)

В марте 1935 года, после окончания техникума, Владислав Тхоржевский находится в Казахстане на переподготовке в 123 артиллерийском. Он уже в комсоставе, командир взвода, кубики в петлице. Запись от 11 августа 1935 г.: «На политзанятиях я говорил, почему у нас в колхозах отставали. <...> Главное, внушал, что колхоз – это путь к счастливой жизни, лишь только один, и учил любить и защищать его от классовых врагов. <...> Видел, как на глазах слушателей блестят слезинки умиления от великой правды нашего строительства. Я и сам с трудом борол волнение и кашель. Сказали бы “иди, умри за советскую власть”, я бы кинулся, а за мною все с великой любовью в сердцах без жалоб и сожаления. Вот когда я узнал, что значит социалистическое братство людей. Лишь в Красной Армии с этими полуграмотными людьми, которые теперь стали сознательными строителями социализма. Я понял, что значит любить великую идею Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, что дала миру Октябрьская революция и генеральная линия партии. Вот они, мои воспитанники и в то же время передельватели моего сознания».

Вот с этими идеями и желанием трудиться для построения нового общества Владислав Тхоржевский получает разрешение не отрабатывать три года после техникума на заводе, а поступить в ВУЗ.

«Сумей жить, когда жизнь становится невыносимой, и сделай ее полезной»

Эти строки из повести Николая Островского «Как закалялась сталь» не раз встречаются в дневнике студента Владислава Тхоржевского.

Первые годы студенчества Владислава Тхоржевского были полны лишений и невзгод.

В Куйбышеве поступить в институт не удалось, не сдал экзамен по математике. По результатам диплома об окончании техникума зачислен в Уральский индустриальный институт на химико-технологический факультет (УИИ).

Главная мечта Владислава Тхоржевского – стать советским инженером.

В этом стремлении его активно поддерживает мать, Александра Васильевна. Из ее писем мы узнаём, как ей тяжело дается разлука с сыном, видим постоянное беспокойство за него и проблемы с обеспечением студента всем необходимым.

«11/ IX – 35 г. Я перевела тебе телеграфом 30 руб. Напиши, когда получишь, – так же сколько будешь получать стипендии – высылать я буду каждый месяц – только зря не трать – питайся лучше и учись. Помни о математике и время зря не убивай».

1–2 курсы. Жизнь впроголодь. Мама старается изо всех сил. Работает на износ, шлет и деньги и посылки с вещами. Приобретение ботинок становится целой эпопеей, их нигде нет, у спекулянтов на рынке – 200 рублей, это при зарплате в 400 рублей».

Для Владислава студенческие годы – это мучительные поиски внутренней опоры, идеи. Он не умеет правильно распределить деньги, часто приходится голодать, в душе отчаяние, паника перед сдачей очередного экзамена.

«Что значить всё это – паника перед жизнью, трудностями. Голодная жизнь эти три дня всё это и неудачи с учёбой сеют панику. Разве это должно задерживать человеческий путь. Нет! А раз это так то и сердце немного успокоилось». (Дневник В. П., 17 ноября 1936 г.)

Внутренняя борьба с самим собой постоянно сопровождается сентенциями о великих задачах и о внутренних врагах.

«1 декабря 1936 г. Сегодня день Сергея Мироновича. В актовом зале (химфак) после занятия состоялось траурное заседание. Доклад делал какой-то из города, нудно читая свои записи, а затем кое-что добавил своё. В прениях 1-ым выступил бывший зиновьевец. “Я забрызган грязью троцкистско-зиновьевского отрепья”. Он каялся, что голосовал за оставление Зиновьева в Политбюро и т. д. В конце заявил: “Вся цель моей жизни будет направлена, чтобы искупить свою вину и быть снова в великой партии Ленина – Сталина, в авангарде рабочего класса”. Доверия не было к его словам. Потом выступал директор института Шрейбер. Он был директором Индустриального института в Ленинграде и знал Кирова. Он был там и в день его убийства. Он говорил как-то нежно, “Мироныч”. Говорил он долго, всё зало жадно ловили слова, никто не глядел друг на друга, на глазах были слёзы. Он тоже не глядел на нас, на глазах его были слёзы, как и у президиума собрания. А там за спиной в чёрной рамке со свешивающимся на него траурным флагом ласково улыбался Киров». (Дневник В. П., 1 декабря 1936 г.)

Справка. Георгий Яковлевич Шрейбер (1896–1945) – в марте 1937 года был репрессирован. Умер в заключении.

Неожиданно для Владислава 26 декабря 1936 г., после очередной простуды, умирает мать.

Владиславу – 20 лет, сестре Люсе – 10. Владислав хлопочет о пенсии для сестренки и, оставив ее на попечение родной тети, маминой сестры, уезжает учиться в Свердловск. Люся часто пишет маленькие письма, скучает, зовет брата. Письмо от 1 октября 1937 г. звучит очень тревожно: «Здравствуй Владик! Как живёшь напиши я хочу приехать меня жди весной не известно может и зимой».

Дядю Колю расстреляли а дядю Петю забрали. Наверное и его расстреляют. Владик я твои письма буду рвать, а то тётя Маруся будет читать. Я учусь хорошо».

Справка. «Назаров Николай Васильевич уволен с должности начальника паровозной службы Ленинской ж. д. Арестован 29 апреля 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 16 ноября 1937 г., обв[инен во] вредительстве и участии в троцкистской террористической организации. Расстрелян 16 ноября 1937 г.». См. Москва, расстрельные списки – Донской крематорий. Это еще одна потеря близкого человека, старого большевика, которым гордились в семье и который мог бы поддержать осиротевших племянников.

На третьем курсе начинается дружба и любовь Владислава с Лидией Тхоржевской. Лидия родилась 5 апреля 1917 года в Екатеринбурге в семье служащего. Семья жила в самом центре города, на набережной городского пруда. Лидия закончила среднюю школу № 2 имени Тургенева города Свердловска (так с 1924 г. назывался Екатеринбург), играла на фортепиано, увлекалась фотографией.

Начинаются записи осенью 1936 г., это второй курс института. Лидия – веселая, мило-видная, энергичная девушка – всегда была в центре внимания однокурсников. Студент с бледным лицом и большим лбом на втором курсе взялся выполнить какую-то пустяковую просьбу и запомнился ей. На третьем курсе Владислав настойчиво обращал на себя внимание, был вежлив, помогал в учёбе. «Так за книгами и химическими приборами началась наша дружба». «Дружба помогла ему и мне в освоении предметов: я заставляла его работать, а он благодаря своим богатым способностям и сообразительности учил меня думать, а не зубрить». (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг.)

После 4-го курса совместная турпоездка по Южному Уралу. Поднимались на Таганай, любовались природой в Ильменском заповеднике. Остановились в деревне на озере Тургай, где и жили дней десять, наблюдали деревенскую жизнь. «Невесёлая она. В деревне всё больше женщины и дети, живут плохо, хозяйство разрушено, нищета и опустелость всюду. Рваные ребятишки и озлобленные бабы встречали нас не особенно приветливо. Домишки плохие, большинство рушится и никому до них дела нет. Запомнился особенно праздник – Петров день. С вечера вся деревня начала пить, а с утра в праздник – ни одного почти трезвого, даже ребят напоили. Зрелище отвратительное: всюду орут песни, кто весёлые, кто печальные, около домов пьяные растрёпанные женщины дико хохочут, некоторые дерутся. Страшные опухшие лица смотрят одичало, и сердцу больно от этого разгула, бедности и бескультурья. Даже деревенская жизнь, воспетая Некрасовым, кажется много пригляднее современной». (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг.)

Для Лидии и Владислава это была счастливая пора завершения учебы, выездов на практику на заводы в Кыштым (на Урале) и в Дзержинск (на Волге). По их переписке можно узнать о некоторых реалиях быта страны в те годы – огромные очереди за билетами на поезда, нехватка многих бытовых предметов: достать туфли, выстоять за «мануфактурой» (то есть за тканями), удача – купить пальто. «Получила от тебя две открытки, но, к сожалению, приехать не сможем, так как маме в очереди около пассажира сильно ушибло глаз, и она ничего не может делать, всё хозяйство на нас с папой». (Письмо Л. А., 17 июля 1939 г.)

И Владислав, и Лидия были романтиками, но он обладал еще и смелым, подчас безрассудным характером.

«Приезжай, увидишь нашу трубу. Вчера я на нее лазил. Понимаешь, высота ее девяносто метров, а шахта подъемника в ней сто метров. Смелости лезть хватило, а вот ноги и руки онемели. Залез я по скобам метров на 60 и чувствую: не берут ноги, так как лезешь, а они в напряжении. Глянул вниз, а люди как букашки, в ногах усталость и главное дождь шел и скобы мокрые – лезу дальше. Когда залез наверх, в ногах и руках как гири, смотришь вниз и видишь как на ладони два города: Ревда и Первоуральск.

Между прочим, раньше такие трубы строили и считали, что выше 60 м трубы строить не будут. Не знаю, залезу ли я на полную высоту трубы, то есть на 150 м. Тогда я был на самой высокой трубе в СССР». (Письмо В. П., 18 августа 1939 г.)

В октябре 1940 г. они окончили институт и, получив дипломы инженера-химика, устроились на свердловские заводы. Владислав Павлович – начальник участка по производству карбида кальция на заводе чистых солей и химреактивов.

«Третьего ноября 1940 года я вышла замуж за Владю, вышла по любви и столько же по рассудку. Бурных страстей никогда не испытывала за все свои двадцать пять лет, не увлекалась им до потери сознания, как это бывает со многими, но искренно люблю его всегда.

22 июня 1941 г. Началась война, 28 уехал на фронт Владя, и пропал без вести. Встретимся ли мы вновь? Одному Богу угодно» (Записи Лидии Тхоржевской 1936–1941 гг).

Так закончились записи Лидии Александровны. Но 15 июля 1943 года сделана приписка: «Но я жду его и дождусь!»

Война и плен

Уже по пути на фронт немецкая авиация внезапно обстреляла воинский эшелон Владислава Тхоржевского.

«Первый самолёт известил о себе свистом пуль. Я отошёл от вагона, лёг на бугорочек на спину, лицом к самолётам, и выстрелил во второй самолёт. Мне показалось, что пилот третьего прижался лицом к стеклу кабины. Прицелился и выстрелил ниже этого лица. Пули свистели и падали вокруг меня, а я упорно стрелял в кабину чуть ниже головы пилота. В третий залёт, как мне показалось, они стреляли не по эшелону, а по мне, засыпая градом пуль. Когда появился третий самолёт, винтовка не выстрелила – патроны кончились».

Это была первая встреча и первый бой с врагом, а далее, после того как немцы провалили линию обороны и заняли железную дорогу между Полоцком и Витебском, отступление вместе с частью.

Некоторое время артполк находился под Полоцком.

Самое тяжкое испытание – это плен. В плен боялись попасть, последнюю пулю оставляли для себя. Сталин выдвинул лозунг: «У нас пленных нет, есть предатели». Тем не менее в 1941 году в плен захвачены 3,9 млн советских солдат и офицеров. По оценкам Генштаба РККА, безвозвратные потери армии за первые шесть месяцев составляли 5 млн человек (это около 9/10 всей предвоенной численности Красной армии).

Их окружили в местечке Труды. Ночью Владислав сумел убежать и примкнул к небольшой группе солдат, «вооруженных и одетых, но голодных». Несколько коротких боев – и снова колонна военнопленных. «В Полоцк я вошел уже в двухтысячной колонне пленных. Город был разрушен и сожжен. На площади у штаба на длинной деревянной мачте развевался на ветру огромный красный флаг с черной свастикой в белом круге».

Все, что увидел в этот первый месяц воентехник Тхоржевский на фронте, поразило его настолько, что он начал пересматривать то, во что раньше свято верил. «Очень медленно, понемногу, я стал понимать, кто у нас в стране “враг народа номер один”. Сколько людей расстреляли. Вспомнил комбрига Чудина, своего дядю, командира красного бронепоезда, расстрелянных по решению “Троек”. Я потерял веру в Сталина, но продолжал верить в неизбежность победы нашей системы».

Начались тяжелые испытания в плену. В Полоцке военнопленных загнали в церковную ограду, расположенную в центре города. «Семь дней без пищи пролежал я здесь на голой земле. На мне не было шинели, нижнего белья, поэтому и теплыми ночами ослабевшее тело напоминало о себе мелкой дрожью. В церкви можно согреться, но я туда не ходил, брезговал. Там пахло мочой и калом, ведь для двухтысячной толпы другой уборной не существовало. Мне она была не нужна, поскольку ничего кроме небольшого количества воды за эти дни в моём желудке не было!»

Потом начался пеший переход длиной более 500 км и продолжительностью более двух месяцев через Белоруссию, Польшу до города Сувалки.

Кормили так: «Каждому совали стограммовый ломтик хлеба, на него клали кусочек мармелада и маргарина. Проходя мимо бочек, пленные получали по кружке подслащённого сахарином “чая”. Когда до меня дошла очередь, я снял с головы пилотку и получил в неё свою порцию. Другие для этого подставляли подола гимнастёрки или ботинки». Местные жители сочувствовали пленным и пытались как-нибудь их подкормить. Иногда ради раз-

влечения оккупанты разрешали женщинам кидать хлеб за ограду. «Начиналась невесёлая потеха. Пленные бросались на кусок хлеба, вырывали его друг у друга и разрывали на мелкие крошки. В большинстве случаев хлеб никому не доставался, а был размят и растоптан в пыли».

Однажды кусок упал недалеко от Владислава. Пленные ринулись, смяная друг друга. «В считанные секунды на земле образовалась шевелящаяся куча, в которую охранники разрядили несколько автоматных очередей, и убитые застыли как памятник растоптанному в пыли хлебу».

Единственной и необходимой собственностью стал найденный в кустах ящик из-под патронов, служивший вместо посуды, с которым Владислав не расставался никогда, даже во сне. Однажды, после получения похлебки, которой угостили пленных местные жители, они были загнаны на базарную площадь. Утомленные длинным переходом люди падали прямо на землю. Утром не смог встать.

«Мне стало жутко, когда я увидел по бокам куртки тонкие пластинки льда, искрящегося в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги. “Значит, ночью ударил мороз, и я вмёрз в лёд”. Опираясь на цинковый ящик, с трудом втащил себя на стол, выждал, пока болтающиеся ноги примут вертикальное положение, встал на них». Толпа пленных пришла в движение, его оторвали от стола и зажали среди тел. Потом еще такой же страшный переход, сон на мерзлой земле и уговоры самого себя, что утром надо встать, собрать свою волю воедино, встать, даже если придется поднимать себя за волосы.

Наконец показались Сувалки – лагерь для советских военнопленных. Пребывание в этом лагере стало одним из самых тяжких испытаний, которые выпали на долю Владислава Тхоржевского в годы войны.

«Партия за партией пленные раздевались донага перед входом в лагерь. Охранники прощупывали каждую нитку одежды. Дошла очередь и до меня. Моё имущество: сапоги, брюки, гимнастёрка, брезентовая куртка, ремень и кусок оцинкованного ящика из-под патронов просмотрены. Ремень отброшен в сторону. Попытка вернуть его закончилась ударом по лицу и пинком под зад.

Открылись ворота, и колонна военнопленных вошла в лагерь, разделенный внутри колючей проволокой на ряд блоков. Справа у входа арестблок, где пытали, мучили и расстреливали пленных, рядом с ним штабблок. Слева кронблок для больных, заполненный рядами деревянных барачков. У ворот этого блока лежала длинная поленница из голых трупов.

Колонна выползла на площадь и повернула вправо к блоку с номером восемь. Это был карантинблок, где пленных выдерживали определенное время, а затем разбивали по сортам: на христиан, мусульман, на русских и нерусских. Нацисты с самого начала плена пытались разделить людей на части и натравить их друг на друга.

На огромной территории блока номер восемь, видимо, не случайно не осталось ни единой травинки. Конопатое от полусасыпанных ям, песчаное поле блока казалось загадочным и враждебным».

Пленные сидели на песке, ежась от холода. Словно по команде, они начали рыть ямы. Только в них можно было спастись от холодного ветра.

Выбрав подходящий момент, Владислав обратился к немцу, хорошо знавшему русский язык и отбиравшему пленных, имевших какую-нибудь специальность, в отдельную команду: «Я ничего не хочу просить, просто мне не хочется умирать в этих ямах. В обмен на свою жизнь я передам Германии крупное изобретение. Я знаю способ прямого восстановления магния из руды. Германии это сейчас очень важно».

«Никакого способа прямого восстановления магния из руды не существовало, и ничего, кроме описанного в учебниках, я не знаю. Это был лишь хитрый тактический маневр вырваться из блока номер восемь, вероятно, попасть в Германию». Немец обещал помочь.

Вскоре Владислава перевели в блок № 3, где жили военнопленные, используемые на различных работах в палатках и землянках. Поместили сначала в палатку.

«Люди лежали вплотную друг к другу. Стояла отвратительная вонь, сильно пахло мочой. Видимо, ночью выйти из палатки было практически невозможно, и люди мочились под себя. Зато было очень тепло. Я прилег на землю и почувствовал себя на грани блаженства. Наконец-то надо мной появилась крыша, защищающая от дождя и ветра». Немного освоившись, Владислав старался помогать тем, кому грозила голодная смерть. Но люди умирали очень часто.

Справка. Сува́лки (польск. Suwałki) – лагерь, располагавшийся в городе Сувалки в июне и июле 1941 года в качестве Oflag 68, а с осени 1942 Шталаг I/F Sudauen площадью около 50 га. Осенью 1941 года в лагере было от 10 до 20 тысяч заключенных, с 1941 по 1944 годы – от 60 до 100 тысяч.

Владислав в Сувалках перенес заболевание тифом, выжил в основном из-за желания жить. Весной 1942 года Владислава Тхоржевского перевели в Берлин, в филиал лагеря для военнопленных Шталаг 3Д. Лагерь этот находился в пятиэтажном доме, среди домов, занятых гражданскими. «На окнах не было решеток, а всю внешнюю охрану осуществлял солдат, медленно прогуливающийся по набережной вдоль зеленых кустарников».

Удивительно, что ехал он на поезде, в пассажирском вагоне среди обычных пассажиров. Его сопровождал добродушный ефрейтор. Военнопленный Тхоржевский со своим конвоиром спокойно прогулялись по городу. Берлин в ту пору еще не бомбили. «Столица Третьего Рейха поражала своим величием и богатством. Товарами завалены магазины и лавки возле домов. Кругом полно красиво одетых немцев и иностранцев. Улицы города не подметали, а мыли, как полы в доме». Они подошли к обычному пятиэтажному дому. После ванной Владислава провели на пятый этаж, где жили советские военнопленные. «Три этажа занимали французы, англичане, сербы и даже один индус. На первом этаже размещались охрана, кухня, ванная, склады. Это был обычный жилой дом сросшихся друг с другом других пятиэтажных домов на набережной Шпрее, в центре Берлина, напротив Бёрзе-вокзала. Здесь находился филиал берлинского лагеря для военнопленных».

Летом 1944 года Владислава и его товарища по команде 806 Евгения Летникова направили в лагерь Бирау у бывшей польской границы. Работать их направили на завод фирмы «И. Г. Фарбениндустри». Здесь же они получили право на свободное передвижение, «свободный билет». Вместо работы они ездили в ближайший город. В течение двух недель они истратили все деньги и продали всю одежду и часть постельного белья. Владислав вместе с другом прогулял выданные на проезд деньги и искал выход из своего сомнительно благополучного положения. Ему хотелось связаться с русскими партизанами, он пытался найти выход из сложившейся ситуации. Были и мысли о самоубийстве.

Но помог случай. Он встретил Леонида Подгорнова, с которым дружил в команде 806. Леонид сообщил, что ему нужна помощь: «Я чувствую себя окруженным со всех сторон, а мне во что бы то ни стало надо передать через линию фронта очень важный пакет нашим разведчикам». Это и подвигло Владислава действовать, он решился вступить в создаваемую под командованием генерала Власова Русскую освободительную армию (РОА).

В составе РОА Владислав был направлен на Восточный фронт, проходивший в то время по территории Германии и Чехословакии. Однако события развернулись так, что, отказавшись подчиняться немецкому командованию, дивизия решила уйти на Запад к англо-американским союзникам СССР. По просьбе чешского Комитета восставшей Праги она повернула на восток, сделала 50-километровый бросок и вступила в бой с немецкими частями, засевшими в городе и пробивавшимися в зону американской оккупации. В предместье Праги, Радотине, состоялся второй в жизни Владислава Тхоржевского бой. «Бои в чешской столице задержали немецкие войска, и советские танковые части, прорвавшись к Праге,

окружили и взяли в плен 860 тысяч генералов, офицеров и солдат, не позволив им уйти на Запад». Война закончилась, Германия капитулировала.

9 мая дивизия рванулась на Запад, нагонять упущенное время, к территории, занятой американцами. Но уйти удалось немногим. Советские войска преградили им путь. Описание этих тревожных событий мы также нашли в публикации Вячеслава Артемьева «Первая дивизия РОА». Это имя не раз упоминается на страницах повествования Владислава Тхоржевского. В июне 1944 года В. П. Артемьев вступил в Русское освободительное движение и в ноябре, с началом формирования Первой дивизии РОА, был назначен генералом Власовым командиром Второго полка. Первая дивизия Русской освободительной армии прекратила свое существование в двенадцать часов дня 12 мая. «Последняя команда – “Разойтись!” – всколыхнула неподвижно стоявших в строю людей... И людьми овладел страх... Группами они расходились в противоположные стороны – кто на Запад, кто на Восток. Расходясь на советскую и американскую стороны, люди не проявляли по отношению друг к другу ни малейшей враждебности, не бросали друг другу упреков. Невозможно сказать, сколько при этом ушло на советскую сторону и сколько ушло на Запад... Истомившиеся в борьбе, павшие духом – шли на Восток, навстречу неминуемой жестокой расправе и хотя, сознавая это, в глубине души все же таили надежду на спасение» (Из мемуаров Вячеслава Артемьева).

В этих условиях командование 25-го танкового корпуса назначает Владислава Тхоржевского начальником штаба первой власовской дивизии на период перехода до советской границы.

«Дни и ночи пути на Родину были для меня самым тяжелым испытанием в жизни. Они оказались даже страшнее дней этапа от Полоцка до Сувалок.

Во всех населённых пунктах появились военные из различных советских подразделений, которые начали у нас самовольную реквизицию имущества. В течении первых трёх дней исчезли все верховые лошади и почти все автомашины. В последующие дни у нас отобрали три четверти повозок. Вместе с повозками исчезли и продукты. Необходимо было сохранить дисциплину, не дать разбежаться бывшим власовцам по лесам, предупредить мародёрство, убийства и грабежи гражданского населения. Почти в каждом населённом пункте повторялась одна и та же картина. Советские военнослужащие выходили к дороге и удивлялись, что “немецкие” военнопленные идут одни без конвоя. Потом они всё-таки узнавали, что колонна за колонной проходят настоящие живые власовцы. Дикая злоба охватывала бойцов и командиров. В ход шли приклады, палки, камни и даже огнестрельное оружие. Случались и крупные столкновения с кровавым исходом. В одном из бывших немецких лагерей писали всей дивизией письмо Сталину. Осенью из лагеря в польском городе Лобанд началась наша отправка на восток в железнодорожных вагонах теплушках. Было темно и холодно. “Неужели все муки лагеря придётся перенести второй раз – голод, холод, издевательства?! Хватит ли для этого сил?” – размышлял я, и решил: хватит! Была бы в жизни цель. Раз уж я связал свою жизнь с этой несчастной дивизией. Всё-таки не дал людям разбежаться по лесам...»

Так закончилась для Владислава Тхоржевского Великая Отечественная война. Перед Родиной он был виноват тем, что надел вражескую форму. Он понимал это и был готов искупить свою вину. Возвращение частей Первой «власовской» дивизии РОА на Родину было первым шагом на этом пути.

Война и разлука

Молитва моя и любовь охраняют тебя всегда, везде

Когда Владислав Павлович ушел на фронт и «пропал без вести», Лидия Александровна работала, порывалась даже уйти на фронт вслед за мужем – помешала беременность: вына-

шивала, а потом растила сына: верила и ждала... Многим пришлось тогда вот так же верить и ждать – немногие дождались. Она – дождалась.

Дневник Лидии Александровны представляет собой две тетради, исписанные убористым почерком. За 1941 год с июня по декабрь – 66 записей, за 1942 – 63, за 1943 – 10 записей, за 1944–1945 годы записей почти нет.

Этот дневник – исповедь, страстное осуждение всех, кто допустил это страшное бедствие – войну. В нем поражает раскрепощенность духа, смелость суждений. Кажется почти невероятным, что кто-то мог решиться в то жестокое время доверить бумаге такие суждения и такие оценки...

«23 июня 1941 г. Я никогда не забуду то утро – ясное, светлое. В пять часов стук в дверь – принесли повестку Владе. У меня замерло сердце, и страх за друга сковал меня. Потом потянулись часы невыносимой муки.

В течение недели их не отправляли, но с восьми утра и до одиннадцати ночи держали в казарме. Я ждала его каждый вечер, слезы давили мне сердце.

8 сентября 1941 г. Владя пропал без вести при бомбежке эшелона.

5 октября 1941 г. Владислав не нашелся. Что могло случиться с ним? Жив ли он? Дни пошли еще тяжелее и мучительнее, надежды так мало, безотрадно на сердце и в будущее смотреть страшно. Владик, неужели твой сын не увидит тебя, и ты не обнимешь его? Пресвятая Богородица, защити и помилуй Владислава, верни его моему крошке».

Чтобы быть хоть чем-то полезной, она идет работать в госпиталь.

«2 ноября 1941 г. Мне удалось устроиться в госпитале. Милый мой, здесь я ухаживаю за ранеными, и все думаю о тебе. Есть тяжело больные, лежат по месяцу и больше; все они такие беспомощные и жалкие; сколько терпения и воли надо, чтобы хоть немножко облегчить их страдания».

В дневнике Лидии Александровны часто звучат гневные слова в адрес тех, кто развязал эту войну.

«26 ноября 1941 г. Пишут об ужасных издевательствах немцев над русскими – ужели можно так осатанеть и уничтожить всю доброту человеческую в сердце? Владя, я не предвижу исхода из этой пытки и в то же время жалко хватаюсь за жизнь, надеюсь на Бога, что он пошлет нам встречу на земле».

Кроме разлуки, неизвестности, тяжелых вестей с фронта, добавляются тяготы голода и холода в огромном городе.

«9 декабря 1941 г. Шестой месяц война, и столько же дней я плачу и жду понапрасну. Конца не предвидится. Руки опускаются, делать ничего не хочется; иногда, кажется, что всё в мире кончено, и жизнь невыносима.

Бедная мама, как она перемерзает, с утра и до вечера бегает по городу, чтобы хоть что-нибудь достать поесть, а как же ей быть, когда у меня родится сынишка, совсем она тогда замается. Иногда мы вместе плачем о тебе, Владик. Какая она хорошая, без нее мне совсем не жить. Папа тоже сильно всё переживает и ворчит помаленьку на окружающую жизнь. Так проходят эти печальные дни.

21 декабря. Что ждет в будущем? В сердце нет ни надежд, ни желаний. Дни проходят тяжелым кошмаром. Что-то будет с моим ребенком? Ужели он умрет с голоду? С продуктами так плохо, начались перебои с черным хлебом, конца войне не предвидится, массовое убийство продолжается. Господи! Ужели всё кончено?

19 января 1942 г. Тяжелое горе давит мне сердце. Что сделали с нашей страной, где ее богатства, где русские люди!? Двадцать пять лет нужды и лишений – и в результате такое предательство».

«21 января 1942 г. Великий гений Ленин, что сделали с твоим учением, как извратили, исказили всё, чему ты учил. Вместо счастья народ получил невиданное рабство, и только

кучка людей и НКВД живут. Страна обеднела, народ измучен, запуган. Всюду ложь, несправедливость и насилие. Двадцать лет советской власти не улучшили жизненный уровень масс, а превратили их в жалкие придатки государственной машины, лишенные всяких прав, мыслей и свобод. То, что ты хотел дать русскому народу, великий вождь, не сбылось, и многие шлют тебе проклятья, ибо наше правительство все свои проделки прикрывает твоим именем. Тяжелые дни.

25 января 1942 г. Я не верю, чтобы люди могли все хорошо жить, любое правительство живет только для себя. Придя к власти, люди забывают, что они люди. Во имя счастья будущих поколений заставляют умирать, а на самом деле с каждым годом всё труднее и хуже жить. Какое безумие убить столько народа, и разве правительства от этого страдают? Они так же спят и до отвала едят. Политика всякого правительства – это ложь, наглая до цинизма. Совершенно прав Бакунин, что всякая власть – насилие.

26 января 1942 г. Владя, как хочется мне с тобой поговорить, высказать все, что накопело в душе, хочется выплакать горе. Обидно за Россию, за людей. Родина моя, никогда ты не была свободной и счастливой, всякая дрянь правила тобой, а теперь наособицу. Вздохнешь ли ты, Русь, когда-нибудь, или твой удел – вечное рабство и нищенское существование?»

Да, за такие строки несдобровать было бы Лидии Александровне, попади ее дневник в чужие руки!

«12 февраля 1942 г. Иногда люди бывают хорошие. Сегодня я зашла к Шуре Н. на работу, там сидели все наши с завода Воеводина и, как один, дружелюбно и сердечно меня приняли. Мне было очень приятно их сочувствие моему положению и та забота, с какой они говорили со мной о моем здоровье и будущем ребенке. Насколько всё это искренне, не знаю, а только сейчас, как никогда, слова утешения и ласки мне необходимы, они возвращают мне желание жить.

16 февраля 1942 г. Владик, я надеюсь, что ты еще жив. Родной мой, когда же кончится эта война и все страдания? Мама ушла с утра по очередям, сидеть дома одной невыносимо. Обедать сегодня совершенно нечего. В Ленинграде люди мрут тысячами в день, нам пока хоть хлеб дают, но все говорят о сокращении пайка. Что будет! Страшно подумать. Настроение убийственное».

«2 марта 1942 года. В ночь с 1 на 2 родился сын Виталий!

12 апреля 1942 г. Воскресенье. Три месяца я не была в госпитале. Бывает обстановка, которая сильно сближает людей. Дни, проведенные мною с тяжелобольными, оставили в них большое чувство благодарности. Я и не ожидала, что смогу быть настолько полезной людям. С ними мне было хорошо, я помню вечера – зимние, холодные, дома нет огня, на сердце так тоскливо, – и вот я шла в госпиталь, меня ждали, я была нужной: делала перевязки, массажи, поправляла подушки, давала пить, писала письма, читала книги, а иногда мы разговаривали об их семьях, близких, друзьях. Горе мое забывалось, я делала всё, чтобы было легче им; малейшие капризы исполняла без ропота, а некоторые из них даже плакали.

17 мая 1942 г. Любимый мой, до каких же пор будет война? Печаль и слезы в каждом доме, в каждой семье. Последние люди уходят на фронт. Вчера я видела, как отправляли партию, так напомнило дни твоего отъезда, слезы едва сдержала. Лица мрачные, худые, нет в них жизни, мужества, тупое подчинение чужой воле застыло на них; мало кто смеется, головы опущены, невеселые мысли, видимо, засели в них. Тяжело было смотреть на этих несчастных. Несколько женщин провожали своих близких; молоденькая девушка идет под руку с безусым юношей, она что-то говорит, а он, не слушая, шагает. О чем он задумался? Другая молодая женщина несет котомку, с какой любовью несет она вещи; быть может, это последняя её услуга мужу. Шагов на десять от партии отстали двое – высокий черный мальчик, хорошо одетый, с грустным лицом; он, как большинство, задумчиво смотрит под ноги,

а рядом, вытирая время от времени платочком слезы, идет его мать. Безраздельное горе на лице ее. Господи, не дай мне провожать сына на фронт!

Владик, мы всё время голодные, паёк так мал, что нам его остается на несколько дней; об одном боюсь, чтобы мои родители не обессилели окончательно. Живу надеждой, что Витька будет жить лучше, и ты вернешься к нам.

15 июня 1942 г. Начала работать в одиннадцатой палате – пятнадцать человек очень тяжело больных

Добрые мои больные, как хороши и трогательны их заботы обо мне. Вчера купили мороженое моему Витьке, и так они сочувствуют мне и моему положению. Есть же хорошее в людях и благородное. Они выслушивают с терпением про Витьку всю мою болтовню, они говорят про тебя, Владик, и обещают, что ты вернешься. “Сестра Лида” – так зовут меня они, и я горжусь этим, мне легко с ними, и горе не так давит меня».

В архиве семьи Тхоржевских хранятся три записочки из госпиталя от раненых бойцов. «Здравствуй Лида Алекс. Поздравляю Вас с прибавлением семейства. Быть здоровым, выздоравливайте скорей и приходите нас проведать. У нас маленькое изменение. Нас перевели всех, где был клуб на 3-ем этаже. Ходят Колобовников и в том числе и я. Ещё Лида Ваше обещание мы получили – зеркальце. 30/1 – 42 г. Зуев». «Здравствуйте Лида! Мы Ваш подарок получили, за что очень благодарим. От нас тоже возьмите маленький подарочек и желаем Вам счастья и здоровья. Привет от всех. Киселёв, Куйчук, Колобовников. 3/1 I б – 42 года».

«29 июня 1942 г. Ровно год, как мы расстались... Уехать бы в деревню. Настроение у народа пассивное, многие убиты горем, почти у каждого родные на фронте, – конца войны не видно. В стране голод и слезы, на фронте отступление. Год войны – год ужасных страданий».

Это небольшая часть дневниковых записей Лидии Александровны Тхоржевской. Они иногда прерываются на несколько месяцев. Осенью 1942 года она уезжает в Талицу, где работает начальником участка по производству автола. Семья поселяется на лесном кордоне, где силами Надежды Павловны и Александра Ивановича создают свое хозяйство с коровой, козами, птицей и огородом. Лидия работает в рабочем поселке на Смолокурке. Верхом на коне она объезжает участок и приезжает к сыну и родителям.

Жизнь постепенно устраивается, но она не перестает переживать за мужа и так же страстно пишет ему в письмах о своей любви, о том, что ждет его и уверена в их скорой встрече. В дневнике много описаний природы и народной жизни.

Нам кажется, что Лидия Александровна была незаурядной личностью: ей был свойствен высокий дар любить и хранить верность и видеть окружающий мир без идеологических шор. «Осень, холодная, печальная, летит желтый лист и, как золото, падает на черную дорогу, а вместе с ним – маленькие снежинки; ветер пробирается за ворот, злой, колючий. Владислав мой, и тебе холодно, где ты? Что с тобой? Мрачная поганая жизнь, и на сердце пусто, холодно, уныло. Нечем дышать, еще никогда Россия не знала подобной жизни. Деревни разорены, народ искалечен, скот худой и мало. Все что-то делают, и от этого только хуже. Раздетые и голодные дети, сколько ещё можно терпеть и надеяться, где же исход людским страданиям? Во имя могущества государства, во имя партии гибнет Россия, русский народ. Сколько лагерей, тюрем построено вновь, а если подсчитать все жертвы в них – за это судили Германию, но себя мы не судим». (Дневник Л. А., 10 октября 1946 г.)

Дневник – это свидетельство обыкновенного человека, песчинки в вихре событий XX века о времени и о себе. По нему можно судить, какая доля выпала на женские плечи в годы Великой Отечественной войны, какие трудности переживал тыл и множество людей, которые трудились и творили Победу.

Пусть будет долгим ожидание, но не напрасным

Поезд с власовцами прибыл в Соликамск осенью 1945 года. Им объявили, что они не заключенные, а временно задержанные. «Будете работать на лесоповале как вольнонаёмные. Когда вас отпустят из лагеря, не знаем – приказа нет, но будет».

Многие власовцы действительно были отправлены в Соликамск на лесоповал. Согласно справке Института истории СССР, 36 746 бойцов власовской армии отбыли там наказание и по амнистии от 17 сентября 1955 г. разъехались по домам.

Владислав Павлович Тхоржевский был отдан под суд 18 февраля 1946 г. Во время следствия находился в лагере для заключенных в Соликамске. В мае 1946 г. до приговора он написал Лидии Александровне два письма. Первое письмо на старый городской адрес – соседи переслали в Талицу. Насколько был неуверен Владислав, что он еще нужен Лидии, говорит не только очень осторожный тон письма, но и то, что он адресует его Лидии Александровне *Серебренниковой*.

«Добрый день, Лида!

Ты не сможешь себе представить, как трудно писать это письмо тебе. Отгремела война, а жизнь оказалась помятой и исковерканной. Я вышел из войны живым и здоровым, но за свои грехи перед Родиной пришлось отвечать. Без сомнения, я сумею оправдаться перед ней и лет через пять снова буду полноправным гражданином, но ведь сейчас я арестант. Лучше было бы вернуться в Свердловск без руки или ноги, чем писать сейчас это письмо, но, как видишь, судьба (если таковая существует) решила по-другому. Поэтому только остается сослаться на поговорку “От тюрьмы да от сумы не зарекайся!” Духом не падаю, т. к. уверен, что я сумею стать человеком, и что в жизни еще не всё потеряно. Сейчас не буду писать, как всё это было, слишком это длинно, да и вспоминать не хочется – если захочешь переписываться, то когда-либо в другом письме. У меня к тебе просьба – написать, как ты живешь и что в твоей жизни изменилось?

Лидушка, ответ сразу, т. к. никаких других просьб не имею...

Для меня только одно ясно – придется много поработать, чтобы оправдаться перед советской властью. Это я должен сделать и сделаю. А трудности этого периода не имеют существенного значения, т. к. я еще молод, а кроме этого имею специальность и если не через месяц, то, возможно, через год сумею устроиться на работу по своей специальности. Написал бы больше, но я просто не могу представить твоей теперешней жизни, а поэтому писать трудно. Желаю тебе всего хорошего, как и жить всегда. Привет близким и родным, а можешь и не передавать. Я на это не буду в претензии. Всего хорошего, дорогая жена! С приветом, Владислав». (Письмо В. П., 16 мая 1946 г.)

Ответ Лидии Александровны, первое письмо:

«Дорогой мой Владик! Твои письма получила. Тебе покажется странным, но они не были для меня неожиданностью. Все эти годы войны и разлуки ты был с нами, и я верила в твое возвращение. Много пережито и передумано, но первое чувство к тебе при всех обстоятельствах оставалось прежним. Самым главным событием в моей жизни за это время [стало] рождение сына 1 марта 1942 года. Ему принадлежит вся моя жизнь, прошлая, настоящая и будущая. Если ты найдешь в этом радость и цель своей жизни, то мы будем счастливы вместе... и если ты не нашел себе другой семьи и не имеешь других привязанностей, то приезжай при первой возможности освобождения. Все свои ошибки перед Родиной ты загладишь, я знаю тебя, твое упорство в работе и честный характер». (Письмо Л. А., 24 апреля 1946 г.)

Второе письмо Лидии Александровны:

«Дорогой любимый Владик! Твое третье письмо получила, но страшно жаль, что ты не получил мои. Всё сердце выболело за тебя, мой друг, но я верю, что мы встретимся рано или поздно, и тогда счастье будет в наших руках. Главное, ты жив. Надеюсь, что люди не так жестоки и уж не так велика твоя вина, что ты попал в плен. В твою невиновность я верю, и буду верить всегда, даже и тогда, когда кто-либо вздумает бросать в тебя грязью. Самое большое счастье у меня твой сын, он-то хранит меня от всех искушений, не давал падать духом в тяжелые минуты. Я хочу, чтоб ты полюбил его больше меня и всего на свете. Я хочу, чтобы ты завоевал себе жизнь для него и вернулся к нему.

Владик, пиши, можно ли мне приехать к тебе повидаться, можно, нет выслать посылку, что послать? ...Витя играет в поезд и всё везет папочку домой.

Пусть будет долгое ожидание, но не напрасное».

26 июля В. П. Тхоржевский был приговорен по статье 58-б к высшей мере наказания, замененной 20-ю годами каторжных работ и 5-ю годами поражения в правах с конфискацией имущества. Такой приговор был для него полной неожиданностью, т. к. следователь вел во время допросов задушевные беседы и давал понять, что наказание не будет тяжелым. Он зачитывал после допроса текст, а В. П. Тхоржевский подписывал, уже не читая.

После вынесения приговора для Владислава начались новые скитания, но уже по советским лагерям.

С апреля 1947 по октябрь 1948 года – отбывал меру наказания в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) п/я 226 г. Ухта в качестве инженера-проектировщика и ст. инженера-электротехника.

С 8 августа 1948 по январь 1949 гг. – лагерь Вой-Вож, проектирование электроустановок в лагере нефтяников.

С января 1949 по февраль 1956 гг. – в г. Воркуте на шахтах № 6,4,5 в качестве старшего электро-слесаря, заведующим электровозным гаражом.

Лидия Александровна тоже надеялась на более мягкий приговор и, узнав его, пришла в отчаяние.

Первый лагерь для заключенных, который В. П. Тхоржевский увидел на родной земле, располагался в Соликамске и походил на гитлеровские лагеря, как похожи друг на друга близнецы.

«Три ряда колючей проволоки, вышки одной и той же конструкции, расположенные на одних и тех же расстояниях, типовые проходная и ворота.

Даже лозунги схожие: “Труд в СССР – дело чести, доблести и героизма”, а у гитлеровцев более лаконично: “Радость через труд” или “Работа освобождает”.

Однотипно и управление узниками. В Сувалках имелся арестблок с начальником Иудой и гестаповцем Генрихом, а в ИТЛ – барак усиленного режима во главе с “начальником” из заключенных и лейтенантом внутренних войск. В Сувалках управлял Штерман (Родионов), в ИТЛ – нарядчик, тоже из заключенных. Там и тут были голодные угнетённые голодные люди, там и тут – паразиты, сытые и хорошо одетые.

Я сразу понял, что ИТЛ – школа разрушения нравственных устоев людей. В лагерь попадали трудолюбивые крестьянские парни и девушки, случайно или за нарушение каких-то дурацких правил и зверских законов, например, за сбор зимой на полях неубранных колосков пшеницы, а иногда и просто по злему навету. Над ними издевались, закоренелые уголовники “исправляли” их и выходили на свободу с презрением к любому труду, ворами и негодьями. При выходе на свободу они получали задание от “воров в законе”, из них вербовали хранителей украденных вещей и барыг».

Из тюрьмы в Перми В. П. Тхоржевский попал в Ухтинский ИТЛ. Тут ему повезло, отправили работать в проектную контору инженером-проектировщиком электроустановок. Владислав Павлович пишет о том, что он начал заниматься самообразованием, подал заявку

на изобретение рудничного взрывобезопасного светильника и «получил авторское свидетельство за номером 77116 как равноправный советский гражданин».

Осенью 1948 года его направили в лагерь нефтяников Вой-Вож, где он занимался проектированием электроустановок в лагере нефтяников.

Все эти годы Лидия Александровна и Владислав Павлович ведут активную переписку. Он пишет ей очень подробные письма мелким почерком на четырех листах. Лидия Александровна в 1948 году начала в Талице строить свой дом, очень устает и сетует в своих письмах. Владислав Павлович отвечает ей с большой любовью. Отвечая на ее сетования, что жизнь уходит и она стареет, он пишет:

«Милая моя, где бы я ни был, я вернусь к тебе как любящий муж и тебе не надо думать, стара ты или нет, буду я тебя любить или нет. Я отвечаю заранее – для меня ты никогда не будешь старой, и моя любовь принадлежит только тебе. Надо уметь ждать, любить, верить и сохранять нервы. Когда это будет, не знаю. Но думаю, что это будет не поздно. <...> Верных друзей мало и цены им нет. Тот, кто был другом, тот может ценить дружбу. Вот почему моё отношение к тебе не только как к жене. Я верю, что ты друг. Не будь этого, я бы забыл тебя, как забывают жен, вот почему я хочу говорить с тобой откровенно, так понимать тебя, как я понимаю себя». (Письмо В. П., 29 сент. 1948 г.)

Это было последнее письмо из лагеря Вой-Вож, до 1954 года писем не будет. В октябре 1948 года – отправка в Воркуту, после чего переписка надолго прекратится. К этому времени на шахте № 6 заканчивалось создание каторжного «Речлага». Фамилии заменили буквенными и цифровыми обозначениями, нашитыми на спину и на ногу. Каторжан сдавали и принимали по номерам.

«На всю жизнь мне запомнились первые дни каторги, которую организовали чиновники Берии в лютые морозы полярной ночи. Круглые сутки темно, мороз 40–45 градусов, над Воркутой иллюминация полярных сияний, на которые никто не смотрел. На шахте не было ни бытовок, ни помещений, где можно было бы спрятаться от холода. После окончания смены клеть поднимала на-гора остатки каторжан, мокрых, перепачканных угольной пылью. Они толпою подходили к воротам, и тишину полярной ночи разрывали вопли:

– Начальники, родимые, в ботинках вода застыла!

– Ведите в лагерь! Погибаем!

В небе красочно мелькали разноцветные ленты сияний, а мороз под пятьдесят градусов белил щеки незащитных людей. У меня тоже застывала в ботинках вода и штаны превращались в камень. Я старался ступать осторожно, чтобы они не лопнули и не рассыпались на кусочки. Конвоем из жарко натопленной проходной выходить неохота, но дикий вой толпы действует им на нервы, один из них выходит и дает команду на построение в колонну по пять человек в ряд. После построения посчитал, затем снова дал команду:

– Можете расходиться, не хватает двоих! – и ушел в проходную.

Каторжники бросились бежать к единственному зданию шахты, где сидело начальство, крича одно и то же:

– Замерзаем!

– Опять, как вчера, будут искать в шахте погибших, – одеревенелыми губами прошептал мой приятель. – Неужели ждать ещё целый час?!

Снова построили, ещё раз посчитали, выяснили, куда исчезли двое заключенных и какие это номера.

Но испуг на этот раз оказался напрасным, до ушей долетел обнадеживающий разговор:

– Товарищ капитан, поднимай каторжан и веди их в лагерь.

– Они нарушают правила, не подчиняются. Смотрите сами, человек десять не прижали лица к снегу. Я вот этих сначала пристрелю, а потом уж поведу остальных в лагерь.

– Я бы их сам расстрелял, но шахта план не выполняет. Людей нет, а эти, каторжные, в забоях еле-еле, как червяки, ползают, говорят, сил нет. Вот и приходится идти на уступки этим вырождакам, врагам народа!

– Встать! Марш!

Около ворот лагеря снова начинается тот же “спектакль”, но с одним дополнительным актом – шмоном. На морозе каторжане раздевались до нижнего белья, некоторых заставляли снимать и ботинки, после сего поочередно шли на обыск. Затем снова по тому же гнусному сценарию:

– Номер А-776, выходи!.. Номер...

Наконец вместо занавеса открывались лагерные ворота, над которыми висел огромный транспарант: “Труд в СССР – дело чести, доблести и геройства”. Каторжане бежали в столовую, на ходу оттирая на лицах белые пятна.

После еды нас закрывали в бараках. Все ложились, не снимая одежды. Я снимал только сапоги, чтобы с них вытекла вода, а на ноги “обувал” шапку».

В 1952 году Владислава Павловича назначили механиком внутришахтного транспорта. Быстро изучил особенности электровозов, вагонеток, путей и скиповых подъемников. «У меня сразу же появились рацпредложения, и мы с новым начальником начали менять шахтный транспорт».

1952 год. Лидия Александровна тяжело переживает свое одиночество: «Прочитала всё записанное. Много прошло дней, многое изменилось. Теперь живу в Свердловске, работаю в школе. Витя учится в 3-м классе. О Талице не вспоминаю, а вот Смолокурку вспоминаю иногда, её не забуду. Слава Богу, родители мои живы, с ними мне легче. На сердце как всегда печально. Вспоминаю часто Владислава. Что бы ни загадала, а судьба неумолимо предвещает мне с ними разлуку, даже письма не разрешили писать. Возьму старые письма и плачу, но слёзы не облегчают душу. Одна отрада в моей жизни – это Витя; мечтать о личном счастье нет времени, да и голова поседела». (Дневник Л. А, 1 января 1952 г.)

В 1954 году разрешили писать письма. Лидия и Владислав вырываются из вынужденного молчания. Они вновь ведут свой диалог о дружбе, о любви, о смысле жизни, о долге, о чести, о том, как будут жить после возвращения Владислава. Писем много, они очень большие, на трех-четырех страницах убористым почерком. За 1954 год – 23 письма, 1955 – 76, 1956 за 2 месяца (январь – февраль) – 14 посланий: письма, открытки, телеграммы.

Из писем этого периода видно, как устала от одиночества, ожидания и забот Лидия Александровна и как устремлен к ней, к ее дому, к своей семье Владислав Павлович. Владислав Павлович был освобожден 17 февраля 1956 г. по амнистии со снятием судимости и поражения в правах.

«В феврале 1956 года я, получив временный паспорт, купил билет до Свердловска в жесткий купейный вагон и вошел в купе. Там уже сидели два офицера войск внутренней охраны.

Над сиденьями висели зеркала, и я впервые за последние десять лет увидел себя воочию. Зеркальное отображение беспощадно сказало мне правду, от которой я невольно даже отшатнулся в угол. Я увидел лицо, одежду человека второго сорта – вчерашнего раба. Забившись в угол, я боялся повернуться к офицерам. Мне казалось, что сейчас сюда ворвутся охранники, схватят меня за шиворот, выбросят из вагона и, избивая ногами, заорут: “Куда это ты поехал, падаль фашистская?! Как бы не так!” И хотя меня никогда не избивали ни в плену, ни на каторге, тревожное ожидание расправы прекратилось только с того момента, когда поезд набрал скорость и начали исчезать последние огоньки Воркуты.

Но тут меня окружили еще более мрачные мысли: “Куда я еду и зачем? Как встретят? Не останусь ли навсегда человеком второго сорта? Не вернуться ли обратно, пока не поздно”».

«Получилось всё не так, как я боялся. Везде и всюду меня встречали приветливо. Устроился работать конструктором в научно-исследовательский институт (УНИХИМ). В стране начиналась новая жизнь, дела шли на подъем. Нам поручили совершенно новое необычное задание – разработать приборы для сернокислотного цеха Бхилайского металлургического завода в Индии. Доверили это дело мне. Я организовал конструкторский отдел, провел исследовательские работы и издал первую свою книгу “Конструирование приборов для стран с тропическим климатом”. Приборы, разработанные с моим участием, начали работать во многих странах мира.

Никто не лез мне в душу, не расспрашивал о прошлом, да и я о нем никогда не рассказывал. Окружающие меня, наверное, знали что-то обо мне, но оберегали меня от неосторожных намеков».

Владислав Павлович Тхоржевский стал автором 8 изобретений, причем первое свидетельство выдано 8 августа 1949 г., а последнее – 7 июля 1982 г., когда уже на пенсии он работал слесарем в котельной поселка Шарташ, входившего в состав Свердловска. Автор нескольких книг по приборостроению, участник и неоднократный бронзовый призер ВДНХ, отличник химической промышленности СССР. Реабилитирован 18 октября 1991 года.

* * *

Познакомившись с письмами и дневниками Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских, мы соприкоснулись с судьбами удивительных людей.

Лидия Александровна стала отличным педагогом, учителем химии. Много теплых воспоминаний оставили о ней выпускники школы и коллеги. Но главное, они показали, как можно стойко, достойно переносить превратности судьбы, как противостоять давлению внешних обстоятельств и остаться верными самим себе. После смерти Владислава Павловича Лидия Александровна снова начала вести дневник и писать неотправленные письма. Мы начали наше повествование с записки Лидии Александровны и закончим ее же небольшой записью:

«5 ноября 1940 года зарегистрировали брак, а на другой день сходили в церковь на Ивановском, поставили свечи перед иконой Божьей Матери, Владик подарил мне серебряное колечко с аметистом. Выходя из церкви, дали обещание – будем жить до конца дней своих вместе, и похоронят нас в одной могиле, на которой вырастут два цветочка.

В 1956 году, после пятнадцати лет разлуки, открылась дверь, и он зашел с чемоданом в руках. Встретились, как будто не было разлуки, была радость, любовь, счастье.

37 лет совместной жизни. Владик ее прожил, как задумал еще в юности. А я благодарна Господу Богу за встречу и жизнь с необыкновенным человеком, жизнь нелегкую, но романтическую и прекрасную».

Владислав Павлович Тхоржевский умер 9 марта 1993 г. на 77-м году жизни.

Лидия Александровна умерла 30 мая 1994 г. Они похоронены в одной могиле на Шарташском кладбище рядом со «своими старичками».

Все пережить

Александр Даниэль

Четыре работы школьников – из Астрахани, Челябинска, опять из Астрахани, из Новочеркасска. Пять человеческих судеб, спасенных от забвения: Яков Афанасьевич Нюничкин, секретарь сельсовета в рыбацком поселке на Каспии; Григорий Константинович Шастин, главврач больницы ЧТЗ – одной из первых «великих сталинских строек»; Илья Емельянович Бреус, «рабочий-двадцатипятипятитысячник» из Ленинграда, ставший директором Тумакского рыбозавода, и его жена Нина Семеновна Бросалина; Дмитрий Максимович Гальченко, крестьянин-единоличник, житель села Крученая Балка (Ростовская область).

Все судьбы – разные.

Нюничкин, обвиненный в «должностных преступлениях», умер в лагере, располагавшемся в трех километрах от его родного дома, совсем немного не дотянув до конца своего в общем-то пустякового трехлетнего срока.

Шастин, задетый, по его собственному выражению, «рикошетом», взрывной волной от знаменитого августовского процесса Зиновьева-Каменева – самого первого громкого дела, с которого, в сущности, и начался Большой террор 1936–1938 гг., был приговорен к семи годам лагерей. Конец его срока приходился на 1943 год, так что его, скорее всего, по концу срока не освободили, а оставили «при лагере» до конца войны. А в 1949 г. Шастин был вновь арестован как «повторник» (автор исследования, по всей видимости, не знает о фантастическом Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1948 и наивно полагает, что «следователям необходимо было дополнить прежние «преступления» какими-то новыми» – в его сознании не укладывается, что человека можно вторично осудить по тем же самым обвинениям, по которым он уже отбыл свой срок) и отправился в «вечную ссылку» в Красноярский край. И тем не менее это – история со сравнительно благополучным концом: Григорий Константинович вернулся из ссылки, дожил до реабилитации, переехал в Курганскую область, вновь стал работать врачом и умер в 1978-м, в преклонном возрасте.

Судьбу Бреуса, самого «высокопоставленного» из персонажей этих четырех работ (как-никак директор рыбозавода, номенклатурная должность), якобы определила Военная коллегия Верховного суда СССР 11 августа 1938. На самом деле его судьба была определена ровно за месяц до этого, 10 июля, когда Сталин и Молотов поставили свои автографы на обложке документа под названием «Сталинградская область. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР». Этими двумя автографами был заранее утвержден приговор «по 1-й категории» (т. е. к расстрелу) в отношении 163 человек, дела которых должна была рассматривать выездная сессия ВК ВС в августе 1938-го в Сталинграде. На первой странице списка, под номером 21, значится имя Бреуса Ильи Емельяновича (Архив Президента Российской Федерации, оп. 24, дело 417, лист 40). Все остальное, о чем так увлеченно рассказывает десятиклассница Маргарита Корнякова, – «подготовительное заседание» ВК ВС 10 августа, замена ст. 58-9 на ст. 58-7, решение о слушании дела в порядке, предусмотренном Законом от 1 декабря 1934 и т. д. – уже не имело никакого значения: судьба всех 163 человек и в их числе И.Е. Бреуса была высочайше предрешена месяцем раньше.

Так же точно предрешена была и судьба Нины Семеновны Бросалиной, и никакой развод не мог изменить ее участь. Автор наивно пишет: «14 июля 1938 года Нина Семеновна и Илья Емельянович расторгают брак...» – как будто Бреуса специально выпустили из тюрьмы, чтобы он мог пойти в ЗАГС и подать заявление: нет, брак с арестованным расторгался в одностороннем порядке! Но это уже не имело никакого значения: пункт 4 оператив-

ного приказа наркома внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937, предписывавший в обязательном порядке арестовывать «жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами», ясно и недвусмысленно гласил: «Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста». В момент ареста! Нина Семеновна сильно опоздала с разводом.

Наконец, Гальченко. Единственный из пяти персонажей, проявивший в какой-то мере «нелояльность», – он твердо отказался пойти в колхоз и остался единоличником. И как ни парадоксально, из пяти именно он оказался единственным, кто не познакомился непосредственно с государственным террором: его не расстреляли, как Бреуса, он не умер в лагере, как Нюничкин, он не прошел через лагеря и ссылки, как Шастин и Бросалина. В 1930–1931 гг., в годы коллективизации, он имел все шансы отправиться на спецпоселение на Север как злостный «подкулачник», – но «раскулачивание» его миновало; не тронули его и во время Большого террора 1937–38. Его «всего лишь» давили налогами, повинностями, урезали его земельный участок, с ним «всего лишь» обращались, как с человеком второго сорта, еще более бесправным, чем бесправные колхозники. В начале своего рассказа авторы мельком упоминают о «тетради № 20» за 1951 год. Значит, Гальченко по крайней мере до этого года – уже не так плохо для человека его нравственных и религиозных убеждений и его социального положения!

Для нас, историков советской эпохи, погруженных в сотни тысяч аналогичных судеб, эти истории не представляют собой ничего нового. Об этих пяти наших соотечественниках и о шестеренках тех государственных механизмов, в которые они угодили, мы знаем больше, чем молодые исследователи, изучавшие конкретные биографии. Мы знаем номера и даты приказов, определявших эти судьбы, мы знаем реальные, а не придуманные следователем обстоятельства, с неизбежностью приводившие кого-то к расстрелу, кого-то – в Темниковские лагеря, кого-то – в «вечную ссылку». Мы умеем отнести наших персонажей к тем или иным категориям жертв государственного террора и сообщить, например, что судьбу Ильи Бреуса, приговоренного к смерти лично Сталиным и несколькими другими членами Политбюро ЦК ВКП(б), с дальнейшим оформлением этого приговора через Военную коллегию Верховного суда СССР, разделили около 40 тыс. человек, а его жена Нина оказалась одной из примерно 18 тысяч женщин, оформленных Особым совещанием при НКВД как «члены семей изменников Родины». Мы понимаем, что Шастину крупно повезло: для ВК ВС он оказался слишком незначительной фигурой, а время «троек» и «двоек» осенью 1936-го еще не наступило – и его пропустили через облсуд, где процент смертных приговоров был гораздо ниже. Мы понимаем, что на селе должен был сохраняться определенный процент единоличников, дабы можно было демонстрировать миру добровольный характер участия в колхозном строю. И так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.